ВЫПУСКЪ I

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX ВѢКА

А. Пороховщикова

МОСКВА

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

Москва.

Типографія бр. Вернеръ, Арбатъ, домъ Каринской.

1889.

От Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, марта 8 дня 1889 года.

Цензоръ Протоіерей *Сгмеонъ Вишняковъ.*

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

ВЫПУСКЪ I.
Предисловіе.—Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

ВЫПУСКЪ II.
Политическій и гражданскій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

ВЫПУСКЪ III.
Экономическія силы Россіи.

ВЫПУСКЪ IV.
Просвѣщеніе Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ V.
Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе Русской жизни (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

ВЫПУСКЪ VI.
Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

ВЫПУСКЪ VII.
Русская печать.

ВЫПУСКЪ VIII.
Москва.

ВЫПУСКЪ IX.
Историческая миссія Русскаго народа.

Дозволено цензурою, Москва, 8 марта 1889 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если канунъ каждаго новолѣтія располагаетъ къ размышленію о томъ, что сдѣлано за истекающій годъ обществомъ и государствомъ на безконечномъ пути преуспѣянія, предопредѣленнаго человѣчеству Божіимъ Промысломъ, тѣмъ естественнѣе такое размышленіе въ преддверіи новаго вѣка, когда подводятся итоги общественной и государственной дѣятельности за цѣлое столѣтіе, и предстоитъ отвѣчать на вопросъ: улучшили общество и государство или нѣтъ и свои учрежденія, и условія жизни своихъ гражданъ за долгій сравнительно промежутокъ цѣлыхъ ста лѣтъ?

Еще болѣе естественно это размышленіе въ гражданинѣ такого государства, какъ Россія, въ членѣ такого общества, какъ русское: XX-е столѣтіе христіанской эры застаетъ Россію едва пережившею политическое 1000-лѣтіе, а на поприщѣ обще-европейской культурной

жизни едва переступающей на третье столѣтіе—страною молодой, въ періодѣ далеко не законченныхъ внутреннихъ реформъ и какъ разъ вслѣдъ за преобразованіями, которыя едва не поколебали ея политическаго фундамента и не потрясли ея государственнаго зданія.

Люди, знавшіе Россію до-реформенную, съ восторгомъ привѣтствовавшіе зарю новой жизни, возвѣщенной Русскому народу въ первые годы минувшаго царствованія, не могутъ не испытывать горькаго чувства разочарованія, всматриваясь въ явленія современной жизни, когда, казалось бы, слѣдовало уже пожинать хотя нѣкоторые добрые плоды обширныхъ преобразованій, совершонныхъ мощною десницей Державнаго Освободителя.

По идеѣ, положенной въ основу всѣхъ провозглашенныхъ имъ реформъ, свободный и просвѣщенный народъ, подъ сѣнію правительственной заботливости, подъ покровомъ правосудія, огражденный гарантіями самоуправленія и свободнаго слова, долженъ бы былъ шествовать путемъ общественнаго и личнаго преуспѣянія.

Настоящее и недавно прошедшее время, къ сожалѣнію, указываютъ намъ лишь одинъ фактъ, осязательно сказавшійся результатомъ исполненнаго четверть вѣка назадъ соціальнаго переворота; это — простая перестановка общественныхъ отношеній, совершившаяся и досе-

лѣ совершающаяся, нерѣдко, притомъ, наперекоръ исторіи, въ ущербъ благосостоянію страны, справедливости и даже здравому смыслу.

Такъ, вмѣсто крѣпкой власти, сознающей свою силу и благовременно дающей ее чувствовать, мы видимъ фиктивное самоуправленіе, и притомъ, всего чаще, въ формѣ самоуправства и нравственнаго насилія *немногихъ* надъ волею и разумомъ *большинства*.

Вмѣсто правосудія, обѣщаннаго созданіемъ гласнаго, праваго, скораго и милостиваго суда, мы нерѣдко видимъ или его бездѣйствіе, или же такую его дѣятельность, которая, подъ давленіемъ извращенныхъ общественныхъ взглядовъ и вкусовъ, направляется не къ единственной истинной его цѣли—возстановленію попираемой правды,—а къ угодливости этимъ взглядамъ и вкусамъ.

Наконецъ, вмѣсто дворянства, которое великодушно пожертвовало своими вѣковыми выгодами простолюдину-земледѣльцу, видимъ даже не этого въ потѣ лица трудящагося земледѣльца, а ненавистный для него самого типъ кулака-міроѣда, или идущій объ руку съ этимъ послѣднимъ, еще болѣе неприглядный, типъ невѣжественнаго и грубаго, чуждаго всякихъ возвышенныхъ чувствъ и нравственныхъ соображеній, равнодушнаго ко всему, кромѣ личной наживы, кулака-коммерсанта, космополита и по

самому роду своей профессіи, да и воспитаннаго, притомъ, на вѣковыхъ традиціяхъ недобросовѣстности и обмана.

Эти два типа новой формаціи, пользуясь поблажкой крестьянскаго, земскаго и сословнаго самоуправленія, затруднительнымъ, послѣ крестьянской реформы, матеріальнымъ положеніемъ какъ высшаго, такъ и низшаго, кореннаго земледѣльческаго сословія, воспособляемые накопленными отъ дворянства и народа капиталами, постепенно распространяя свое тлетворное вліяніе, завладѣли сперва цѣлыми сельскими округами, потомъ цѣлыми городами, выраждались миріадами земскихъ, сословныхъ, банковыхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ дѣльцовъ, пока не заставили, наконецъ, стонать въ своихъ безжалостныхъ тискахъ цѣлые уѣзды и городскія поселенія, и не простерли своей сильной руки даже надъ такими городскими центрами, каковы столицы. Къ нимъ примкнула многочисленная, также вновь народившаяся, формація иновѣрныхъ и иноземныхъ промышленниковъ, близкая имъ и по духу, и по характеру, такъ что въ настоящее время всѣ онѣ составляютъ какъ бы пресловутое *tièrs-etat*, на подобіе зловреднаго рака разъѣдающее и вершину государственнаго зданія, въ лицѣ высшаго, дворянскаго класса, и его корни, въ лицѣ многомилліоннаго крестьянства.

V

Если говорить языкомъ сравненій, и Россію прошедшаго времени уподобить степенному, скромному, зажиточному дому, твердо управляемому крѣпкою, властною, любящею рукой, то Россія настоящаго представится домомъ, гдѣ эта рука какъ бы уступила мѣсто какимъ-то новымъ, невѣдомымъ въ исторіи, неизвѣстно откуда пришедшимъ, ни о чемъ кромѣ своихъ выгодъ незаботливымъ, наглымъ прислужникамъ, которые и принялись въ немъ хозяйничать какъ имъ вздумалось.

Ужасъ объемлетъ душу и скорбь исполняетъ сердце истинно русскаго человѣка, когда онъ спрашиваетъ себя: что же представитъ Россія будущаго, если эти зачатки настоящаго, не вырванные съ корнемъ изъ ея общественной нивы, станутъ развиваться, какъ и доселѣ, пользуясь благопріятными для себя условіями?

Преобладаніе голаго, грубаго капитала, сказавшееся въ нашей общественной и экономической жизни, сопровождалось и другими явленіями, обнаружившими, что параллельныя крестьянской реформы въ другихъ углахъ русскаго общественнаго зданія, прежде чѣмъ обновить, достаточно потрясли его: оскудѣніе религіознаго элемента въ народномъ просвѣщеніи, водворявшееся педагогическимъ и литературнымъ либерализмомъ, выразилось или ложными идеалами, возникшими въ средѣ молодаго

поколѣнія, или, что еще хуже, отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ,—отсутствіемъ, которое обѣщаетъ будущей Россіи не вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, какими блещутъ страницы ея исторіи, а развѣ карьеристовъ, способныхъ лишь наживаться на ея счетъ.

Упадокъ религіознаго воспитанія юныхъ поколѣній отразился гибельно и на семейной жизни, крѣпость которой сверху до низу, отъ высшихъ классовъ до крестьянскаго сословія, подъ напоромъ свободолюбивыхъ теорій, не провѣренныхъ практикой жизни, не выдержала и оказалась сильно расшатанной и едва ли не поколебленной.

Освобожденная литература, не имѣя, въ большинствѣ случаевъ, чѣмъ наполнить открывшагося предъ нею простора, устремила свое рвеніе къ тому, чтобы прикрыть свою наготу обносками съ барскаго плеча европейскихъ мыслителей, насыщая общество остатками съ господскаго стола западныхъ теоретиковъ, сколь чуждыми, столь же и ядовитыми для народнаго организма, а впослѣдствіи размѣнялась на стертую мелочь, и почти переставъ давать твердую и здоровую пищу, отказалась отъ всякаго нравственнаго воздѣйствія на общество, ограничившись унизительною угодливостью грубымъ вкусамъ и инстинктамъ невѣжественной толпы, вмѣсто ея просвѣщенія трудясь надъ ея умственнымъ и нравственнымъ развращеніемъ.

Свободомыслiе и пренебреженiе къ старому, отжившему и устраненному порядку вещей, сопровождающiя переходное время послѣ каждой великой общественной реформы, выработались въ глумливое презрѣнiе и ко всѣмъ тѣмъ устоямъ гражданской жизни, которые не только пережили реформу, но и продолжаютъ, по милости Божiей, прочно стоять въ основѣ государственнаго зданiя, освященные историческимъ преданiемъ и любовiю народной.

Картина, здѣсь изображенная, была бы до крайности мрачной и по истинѣ безотрадной, если бы всѣ эти прискорбныя явленiя нашего современнаго быта представляли естественный результатъ послѣдовательно совершавшихся въ народномъ организмѣ историческихъ процессовъ: къ счастiю для Россiи, они суть не иное что, какъ лишь острые симптомы болѣзненнаго состоянiя послѣ пережитой нашимъ отечествомъ мирной гражданской революцiи.

Выразившись неслыханнымъ ужасомъ 1 марта, одичавшее безумство разнузданной мысли сразу смѣнилось какъ бы нравственною немощью и умственнымъ усыпленiемъ, подобно тому, какъ за жесточайшими пароксизмами нервной лихорадки наступаетъ мгновенно всеобщая слабость организма и какъ бы притупленность нервъ.

Нѣсколько лѣтъ общество предавалось это-

му естественному отдохновенію отъ искуственнаго, почти 20-лѣтняго болѣзненнаго напряженія мысли, а извѣстная часть литературы ожесточенно громила его за это летаргическое полузабытье.

За послѣднее время, однако, умственная энергія общества пробуждается; мысль его обращается къ причинамъ, которыя привели періодъ реформъ къ столь неожиданному и печальному концу. Нѣкоторые возлагаютъ всю вину на самыя реформы, на ихъ сущность и характеръ, утверждая, притомъ, что онѣ были преждевременны, а слѣд. вовсе и ненужны.

Излишне было бы входить въ подробныя объясненія, сколь далеки подобныя мнѣнія отъ истины: неужели *личное* рабство составляетъ учрежденіе, въ какое бы-то ни было время и при какихъ бы-то ни было условіяхъ достойное христіанской державы? Неужели прежніе полицейскіе и приказные пріюты судейскаго крючкотворства представляли учрежденія, сколько-нибудь обезпечивавшія правосудіе? Равнымъ образомъ — возможно ли отрицать пользу *разумно* поставленныхъ земскихъ, городскихъ и сословныхъ самоуправленій, а также свободной печати?

И если реформы, имѣвшія въ виду дать странѣ эти блага—свободу личности и слова, правосудіе и самоуправленіе — не достигли своей

цѣли, а привели къ противоположной,—виноваты отнюдь не онѣ, не ихъ принципы и сущность, а ихъ постановка, чуждая подчасъ бытовымъ условіямъ страны, не приноровленная къ народной жизни, не соразмѣренная ни съ ея потребностями, ни съ умственными и нравственными силами народа, ни съ его интеллектуальной подготовленностью; отчасти виною тому и ихъ выполненіе, отмѣченное чисто идеалистическими увлеченіями и либеральными, хотя вполнѣ благонамѣренными, тенденціями самихъ реформаторовъ.

Фотографируя Европу и ея учрежденія аппаратомъ, установленнымъ въ такомъ пунктѣ, откуда одинаково не видно ни Европы, ни Россіи, они, при всей чистотѣ своихъ побужденій, возвышенности намѣреній и искренности воодушевленія, естественно могли достигнуть лишь каррикатурныхъ изображеній, требующихъ сильной, умѣлой и заботливой ретушовки.

Личному и имущественному освобожденію крестьянъ, напримѣръ, отнюдь не противорѣчило бы политически и экономически сильное и крѣпкое положеніе дворянскаго сословія: но одновременно съ эмансипаціей былъ осуществленъ рядъ мѣропріятій, въ корнѣ подорвавшихъ силу и крѣпость дворянства, какъ передоваго сословія.

Разумно и практически установленный кон-

троль надъ исполнительными органами судебныхъ учрежденій отнюдь не помѣшалъ бы правосудію, а напротивъ, обезпечилъ бы его и возвысилъ въ глазахъ народа: но всѣ эти органы суда, и единоличные и коллегіальные, поставлены были почти подъ одинъ воображаемый контроль общественнаго мнѣнія и гласности, на практикѣ равнозначительный полному отсутствію всякаго контроля.

Еще болѣе строгаго практическаго контроля и отвѣтственности здравый смыслъ требовалъ отъ земскихъ, городскихъ и сословныхъ самоуправленій, какъ гарантированныхъ въ своемъ личномъ составѣ однимъ лишь, и то незначительнымъ, имущественнымъ цензомъ: но они-то, къ удивленію, и поставлены не только *внѣ*, но и *недосягаемо* для чьего бы то ни было контроля, въ положеніе совершенно безотвѣтственное и безнаказанное.

Что же удивительнаго, если такимъ положеніемъ не замедлили воспользоваться люди, подъ личиною общественнаго долга проникнутые цѣлями эгоистической корысти или личнаго тщеславія?

Что же удивительнаго, если этотъ темный людъ, въ большинствѣ случаевъ лишенный всякихъ принциповъ, кромѣ традиціонной склонности ко лжи, обману и торговымъ плутнямъ, овладѣлъ механизмомъ нашихъ самоуправленій и переполнилъ собою ихъ личный составъ? Мало того:

что удивительнаго, если онъ озаботился устраненіемъ изъ ихъ личнаго состава тѣхъ элементовъ, которые считалъ себѣ чуждыми и опасными — разумѣемъ представителей церкви, духовенство, и хранителей историческихъ преданій, дворянство—а изъ послѣдняго завербовалъ себѣ въ нравственное рабство лишь тѣхъ, кто поступился этими преданіями изъ корыстныхъ разсчетовъ или по безвыходности положенія? Что, наконецъ, удивительнаго, если онъ въ представительствѣ самоуправленій постепенно задавилъ своимъ гнетущимъ вліяніемъ всякую разумную мысль и всякое независимое слово, ставя противъ нихъ свое грубое *veto* и поднимая зазнавшуюся голову не только противъ своихъ сочленовъ, но при случаѣ и противъ высшей административной власти?

Аналогичное этому явленіе замѣчается и въ области печатнаго слова: разумно ограниченною свободой печати пользуются всѣ безъ исключенія европейскія страны, учрежденія коихъ послужили образцами для нашихъ реформъ; всюду эта свобода способствуетъ благотворному политическому и нравственному воздѣйствію печати на общество, равно какъ и для самой печати облегчаетъ служеніе общественному благу, созидая изъ нея великую политическую силу, идущую рука-объ-руку съ правительствомъ и администраціею.

XII

Освобожденная не только отъ предварительной цензуры, но, какъ показалъ послѣдовавшій опытъ, и отъ сколько-нибудь серіозной судебной отвѣтственности, наша печать поставлена была подъ преимущественное давленіе чисто административныхъ вліяній, не всегда обусловливающихся одними интересами общаго блага, а подчасъ и случайными направленіями, господствующими въ личномъ составѣ администраціи. Этою постановкой свободное слово вынуждалось не столько служить истинѣ и общему благу, сколько прислуживаться случайнымъ и измѣнчивымъ взглядамъ и вкусамъ бюрократическихъ сферъ. Отсюда возникла и развилась гибельная для страны деморализація печати: то—служеніе, недавно считавшееся по истинѣ священнымъ, становилось, при случайной небрежности административнаго надзора, удобнымъ средствомъ для проведенія въ общество отрицательныхъ и разрушительныхъ началъ, прикрываемыхъ фальшивыми пломбами европейской философіи то—народная трибуна, недавно предметъ настойчивыхъ домогательствъ наилучшихъ людей, дѣлалась достояніемъ любаго проходимца, усматривавшаго въ публицистикѣ одно изъ наиудобнѣйшихъ средствъ кормленія на общественный счетъ и вносившаго въ литературу и грубо-тривіальныя замашки своей полудикой среды, и даже плебейскіе пріемы площаднаго жаргона.

Къ счастію, правительство уже обратило вниманіе на нѣкоторыя изъ указываемыхъ нами явленій и, повидимому, утвердилось въ рѣшеніи—согласовать современное состояніе и направленіе преобразованныхъ учрежденій съ общимъ благомъ народа и государства, а равно и уврачевать раны, нанесенныя различнымъ сторонамъ народнаго и общественнаго быта при введеніи въ него новыхъ распорядковъ жизни.

Такъ, стѣснительнымъ экономическимъ положеніемъ двухъ основныхъ сословій государства—дворянскаго и крестьянскаго—правительство уже давно озабочено, приняты даже и нѣкоторыя мѣры къ его улучшенію. Не остаются втунѣ и жалобы общества и литературы на деморализацію сельскихъ населеній подъ эгидой созданныхъ преобразованіями условій жизни, равно какъ и на злоупотребленія сельскихъ, земскихъ, сословныхъ и общественныхъ самоуправленій. Не забыты и нравственные интересы православныхъ населеній, и къ просвѣщенію ихъ приглашено, чрезвычайнымъ призывомъ Верховной Власти, духовенство, въ періодъ реформъ почти устраненное отъ вліянія на народную жизнь.

Эти мѣропріятія, частію осуществленныя, частію осуществляемыя и проектируемыя, обѣщаютъ тѣмъ большую прочность и плодотворность, что и задуманы, и со-

вершаются среди полнаго, повидимому, затишья общественной, государственной и политической жизни, безъ шума рекламъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ каждую реформу 50-хъ и 60-хъ годовъ, съ исполненною достоинства скромностью, которая, однако, и составляетъ наилучшій залогъ ихъ послѣдовательности и успѣшности, служа выраженіемъ мудрой, энергической, сознающей свою силу власти.

И если бы, на ряду съ указанными мѣропріятіями, правительство задалось мыслью объ очищеніи печати, освободивъ ея поле отъ случайно забравшихся на него волковъ и предоставивъ его истиннымъ слугамъ родины и труженикамъ общаго блага, оно бы этимъ и ее спасло отъ конечнаго нравственнаго паденія, и создало бы въ ней благожелательную себѣ, дѣятельную и могучую силу, вѣрную истолковательницу своихъ ко благу народа предначертаній *).

---

*) По истинѣ гибельному вліянію уличной прессы на умы и нравы народа, какъ будто, вовсе не придается значенія: безмысліе, безсмысліе, нравственная распущенность и неблагопристойное скоморошество вотъ уже цѣлые годы питаютъ воспріимчивую душу грамотнаго простонародья безчисленными повѣствованіями о плутняхъ, кражахъ, грабежахъ, убійствахъ и т. п., идеализируя и популяризуя эти отрицательныя стороны жизни и въ разсказахъ, и въ повѣстяхъ, и въ романахъ, и чуть не въ историческихъ хроникахъ, и распространяя ихъ въ массѣ дешевыхъ уличныхъ листковъ. Между тѣмъ трибуны отошедшихъ въ вѣчность публицистовъ,

Новое направленіе, сказывающееся во внутренней политикѣ, не замедлило отразиться и на внѣшнихъ отношеніяхъ нашего отечества: одновременно съ исчезновеніемъ внутренней крамолы, терроризировавшей большую часть минувшаго царствованія, достоинство Русской Державы постепенно поднимается на вѣсахъ международныхъ отношеній, а сообразно съ этимъ улучшается и финансовое положеніе Россіи на международныхъ рынкахъ.

Таково, по нашему мнѣнію, состояніе Россіи въ настоящее время, когда лишь десятилѣтіе отдѣляетъ ее отъ перехода въ новый XX-й вѣкъ.

Съ надеждою на свѣтлую будущность, съ упованіемъ на Промыслъ Божій, съ расче-

---

достойно потрудившихся надъ умственнымъ воспитаніемъ общества, пустуютъ по-прежнему, литература остается почти безъ органовъ серьезной мысли, безъ умственныхъ центровъ. Это явленіе не можетъ не озабочивать правительства. Что значитъ безмысліе и безсмысліе въ литературѣ—извѣстно изъ опыта. Въ позапрошлое царствованіе административный гнетъ надъ общественной мыслью, десятки лѣтъ державшій ее подъ строжайшею, по видимому, цензурною опекой, разрѣшился созданіемъ Герцена, Бакунина и Огарева—этихъ истинныхъ родоначальниковъ того самаго нигилизма, который и отравилъ, и развратилъ своими разнузданными оргіями сначала подневольную, а потомъ и свободную литературу минувшаго царствованія. Дай Богъ, чтобъ русская печать переступила порогъ новаго вѣка, очистившись отъ разъѣдающей ее проказы, и чтобъ правительство, съ своей стороны, подвиглось къ ней состраданіемъ и пособило ей въ томъ.

тами политической мудрости должно, однако, соединять и безпристрастный взглядъ на прошедшее и ясное представленіе настоящаго: вотъ соображеніе, которымъ объясняются и характеръ, и цѣли задуманнаго нами изданія, первый выпускъ коего мы предлагаемъ вниманію читающей публики.

Сообразно съ этими цѣлями изданіе наше, въ полномъ своемъ объемѣ, составитъ рядъ выпусковъ съ нижеслѣдующими названіями:

I. Предисловіе.—Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

II. Политическій и гражданскій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

III. Экономическія силы Россіи.

IV. Просвѣщеніе Русскаго народа.

V. Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе Русской жизни. (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

VI. Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

VII. Русская печать.

VIII. Москва.

IX. Историческая миссія Русскаго народа.

Съ живѣйшею признательностью примемъ указаніе на пробѣлы въ нашемъ изданіи, или на неправильное освѣщеніе приводимыхъ въ немъ справокъ, фактовъ, положеній, выводовъ, пожеланій, ибо этотъ посильный трудъ на пользу нашего

роднаго, домашняго русскаго дѣла объясняется глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что предстоящее столѣтіе, а быть можетъ и канунъ его, чреваты событіями величайшей важности для нашего отечества: не вооруженный авангардъ вооруженныхъ съ головы до ногъ сосѣдей зашелъ такъ далеко, когти хищниковъ запущены такъ глубоко, стремленіе къ освобожденію отъ политическаго и экономическаго ига и отъ воровъ иноземныхъ и туземныхъ такъ естественно и законно и такъ живо чувствуется въ наболѣвшей душѣ русскаго человѣка, что никакая лепта въ этомъ направленіи не пропадетъ безслѣдно.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ НАРОДА

И ГОСУДАРСТВА.

I.

Особыя обстоятельства, сопровождавшія просвѣщеніе Руси христіанствомъ.

По неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, пророчеству Первозваннаго Апостола Христова, который, по свидѣтельству преданія, въ своихъ проповѣдническихъ странствованіяхъ достигалъ береговъ Днѣпра, водрузилъ на мѣстѣ будущаго Кіева крестъ и предрекъ грядущее здѣсь утвержденіе вѣры христіанской,— цѣлые девять вѣковъ было предначертано оставаться безъ исполненія. Лишь тогда, когда дикія кочевыя орды древней Скиѳіи стали постепенно слагаться въ сколько-нибудь устроенныя человѣческія общества, являя этимъ способности и влеченіе свое къ развитію гражданскаго благоустройства, начали обнаруживаться среди нихъ и первые зачатки христіанскаго просвѣщенія, и то въ видѣ слабыхъ, среди глубокаго мрака язычества, проблесковъ истиннаго богопочтенія, бывшаго удѣломъ

немногихъ богоизбранныхъ лицъ. Такъ, то же преданіе называетъ по именамъ первыхъ русскихъ христіанъ, Аскольда и Дира; первомучениковъ русской церкви Іоанна и Ѳеодора, кровію своею запечатлѣвшихъ презрѣніе къ язычеству почти наканунѣ его ниспроверженія; исторія первоначальной Руси повѣствуетъ о дивной бабкѣ св. князя Владиміра, этой мудрой язычницѣ и Равноапостольной христіанкѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ этими нѣсколькими лицами исчерпывалось все число послѣдователей Христа во вновь слагавшемся языческомъ государствѣ, имѣвшемъ частыя соприкосновенія съ христіанскими Византійскимъ и Болгарскимъ государствами: каждый изъ пяти вѣковъ, протекшихъ надъ будущею Россіей со времени полнаго торжества Христовой вѣры въ Греціи и Римѣ до ея всенароднаго крещенія, давалъ ей какъ бы постоянные образцы гражданскихъ и личныхъ добродѣтелей въ лицѣ хотя немногихъ, но твердыхъ и достойныхъ послѣдователей Христа, свѣтъ коихъ, наконецъ, такъ просвѣтился предъ людьми, что они, видя ихъ добрыя дѣла, и сами, своимъ сколько, по видимому, неожиданнымъ, столько же и покорнымъ, искреннимъ обращеніемъ ко Христу достойно прославили Его Отца, Иже на небесѣхъ...

Тѣмъ не менѣе ни исторія, ни даже преданіе не даютъ основаній утверждать, чтобъ эти свѣточи христіанства въ до-христіанской Руси представляли собою явленіе, выходившее изъ ряда единичныхъ случаевъ: избравъ будущій Русскій народъ сосудомъ, въ коемъ предопредѣлено было широко разлиться чистому свѣту христіанской вѣры, Провидѣніе какъ бы медлило возжигать ея свѣтильникъ въ этомъ сосудѣ до благопотребнаго времени.

И вотъ, когда политическія судьбы Византійской Державы, создавшейся на основахъ пережившей себя языческой мудрости и не нашедшей въ себѣ нравственныхъ силъ къ переработкѣ ея на началахъ христіанскаго ученія, были рѣшены; когда цѣлой половинѣ тогдашняго христіанскаго міра все ближе и ближе грозили огнь и мечъ невѣрныхъ; когда, одновременно съ тѣмъ, духъ гордости и суетнаго властолюбія началъ обуревать другую половину христіанскаго міра, представительницей коего была Римская церковь, и Вселенской истинѣ христіанства стала грозить опасность, горшая меча, огня и нашествія невѣрныхъ, — тогда въ юномъ народѣ, едва выходившемъ изъ гражданскаго младенчества, не укоренившемся ни въ суемудріи ложнаго просвѣщенія, ни въ темныхъ предразсудкахъ мрачнаго язычества, въ этомъ избранномъ сосудѣ Своемъ, Промыслъ Божій возжигаетъ, наконецъ, мощною рукою св. князя Владиміра, яркій свѣтильникъ вѣры Христовой, который съ той поры начинаетъ горѣть чистымъ и ровнымъ пламенемъ, озаряя воспріявшему его народу тяжелый путь среди многоразличныхъ испытаній его дальнѣйшей политической жизни.

На той *tabula rasa*, какую представляла душа новообращеннаго русскаго человѣка, христіанское ученіе не замедлило яркими письменами начертать основныя назиданія вѣры и нравственности, отчасти сродныя характеру всего славянскаго племени и особенно русскаго народа: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“; „нѣсть власть, аще не отъ Бога“; „Бога бойтеся, царя чтите“; „повинуйтесь во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“,—а умилительный призывъ Спасителя: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ

упокою вы“,—скоро проникъ въ эту душу и, искренно воспринятый ею, исполнилъ ее и равнодушія къ трудамъ и скорбямъ житейскимъ, и мужества къ перенесенію ихъ, и надежды на успокоеніе, и вѣры въ высшее правосудіе и милосердіе, которыми, можно сказать безъ преувеличенія, пропитана вся послѣдующая исторія русскаго народа, благодаря которымъ, также безспорно, судьбы ея и свершились именно такъ, какъ мы видимъ ихъ въ настоящее время, и которыя, вмѣстѣ взятыя, изображаютъ собою основную черту русскаго народнаго характера, обыкновенно обозначаемую однимъ словомъ: благочестіе.

Но что и въ до-христіанской, до-исторической жизни нѣкоторыми своими свойствами и правилами русскій народъ въ значительной степени соотвѣтствовалъ этимъ высокимъ нравственнымъ принципамъ христіанства, это также безспорно, и всего лучше доказывается обстоятельствами, среди которыхъ совершилось его обращеніе къ вѣрѣ Христовой.

Отнюдь не умаляя внутреннихъ достоинствъ и всемірно-историческаго значенія этого великаго событія, нельзя опустить изъ вниманія и то, что оно осуществилось безъ всякой, тѣмъ болѣе кровавой, борьбы, и даже безъ предварительной проповѣди евангельской. Подобно тому, какъ первая гражданственность насаждена была самимъ народомъ, призвавшимъ изъ-за моря варяговъ для того, чтобы они княжили надъ нимъ и владѣли имъ, чрезъ что положены были первыя прочныя основы династической крѣпости, на которой создалась несокрушимая твердыня Русской Державы, — и первая благодать евангельскаго благовѣстія снизошла на этотъ народъ по единоличному изволенію его властелина, духовно предрасположеннаго ко Христу благимъ примѣромъ мудрой бабки своей. И

этотъ послушливый и благопокорливый своему владыкѣ народъ, руководимый единственно довѣріемъ къ его мудрости, освятилъ его единоличное изволеніе сначала безмолвнымъ согласіемъ, потомъ собственнымъ сочувствіемъ, такъ что чрезъ короткій срокъ послѣ первоначальнаго всеобщаго крещенія, когда обнаружилось, что часть малодушныхъ, не смогшихъ преодолѣть привычнаго расположенія къ язычеству и традицій многобожія и идолопоклонства, хитростію уклонилась отъ крещенія и удачно избѣгла его, стоило только Равноапостольному князю возгласить къ народу: „кто со мною, пусть крестится, а кто не крестится, тотъ противъ меня", — чтобы разсѣять эти традиціи и ниспровергнуть это слѣпое привычное расположеніе.

Нельзя, конечно, думать, чтобъ и послѣ этого вторичнаго крещенія не осталось уже ни одного язычника въ предѣлахъ Владиміровой державы; напротивъ, существуютъ указанія, что борьба съ язычествомъ не прекращалась во все время его княженія, продолжалась и послѣ него. Но это уже была борьба побѣдоносная, подобная той, какая была въ Византійской имперіи послѣ Равноапостольнаго Константина: язычество отказалось отъ всякихъ притязаній на равноправность съ новымъ исповѣданіемъ, прячась отъ свѣтозарныхъ лучей христіанства въ темныхъ норахъ и трущобахъ вмѣстѣ съ послѣдними своими могиканами—волхвами и кудесниками.

Это рѣдкое въ исторіи христіанства, поистинѣ чудное явленіе—одновременное просвѣщеніе цѣлаго народа — было сопровождено другимъ, тѣсно съ нимъ связаннымъ и отъ него зависящимъ—повсемѣстностью распространенія вѣры Христовой на всемъ пространствѣ тогдашней Руси. Единокровный по происхожденію, лишь случайно раздѣлившійся на множество племенъ, нерѣдко

непріязненныхъ, но не питавшихъ взаимной вражды въ инстинктивномъ сознаніи своего единства, народъ, постепенно соединявшійся подъ однимъ княжескимъ скипетромъ, не могъ не стремиться и къ духовному единенію, не чуждаться нравственной розни, и то, что совершалось въ духовномъ мірѣ одной его части, не могло не отзываться и не возбуждать сочувствія во всѣхъ остальныхъ, и вполнѣ естественнымъ представляется то явленіе, что въ теченіе какой-нибудь половины вѣка крестъ Христовъ успѣлъ прочно стать надо всею Русью отъ Кіева до Новгорода Великаго и отъ Пскова до Тмутаракани.

II.

Значеніе Византіи для Русской Церкви.

Уже эта безпримѣрная двоякая полнота духовнаго просвѣщенія, осіявшаго Русь въ самый короткій періодъ времени, сама по себѣ представляла вѣрнѣйшій залогъ послѣдующаго утвержденія Русскаго народа въ высокихъ истинахъ христіанскаго ученія. Но едва ли не благотворнѣйшимъ для него въ этомъ смыслѣ обстоятельствомъ было то, что по причинамъ, отчасти географическимъ, онъ сподобился принять христіанство отъ Византіи, и уже въ то время, когда въ ней совершилось и окончательно заключилось развитіе его догматическаго ученія, получившаго вѣковѣчное утвержденіе и торжественное освященіе на вселенскихъ соборахъ и чрезъ то непререкаемое значеніе богодухно-

венной вселенской истины. Принявъ догматику христіанства во всей ея неповрежденной чистотѣ и привыкши вѣровать въ нее, какъ въ истину неизмѣнную, русскій христіанинъ сдѣлался глухъ ко всякимъ догматическимъ новшествамъ, исходившимъ уже и въ то время, исшедшимъ впослѣдствіи и исходящимъ понынѣ изъ Рима, чрезъ что сохранилъ себя и отъ колебаній и шатаній религіозной мысли, и отъ тѣхъ безсмысленныхъ и позорныхъ нелѣпостей, какими запятнала себя, въ своемъ разнузданномъ развитіи, догматика Римская.

Этому счастливому обстоятельству народъ нашъ обязанъ тѣмъ, что чрезъ всю свою 900-лѣтнюю церковную исторію является исповѣдникомъ, защитникомъ и поборникомъ вселенскаго православія, и до того, въ простотѣ сердца, отождествляетъ себя съ нимъ, что его основная масса, представляющая почти необъятное сословіе изъ многихъ десятковъ милліоновъ земледѣльцевъ, и понынѣ не знаетъ себѣ другаго прозвища, какъ *христіане* (крестьяне), другаго привѣтствія, какъ: *православные!* И это свое достоинство *православія* блюдетъ онъ, какъ драгоцѣннѣйшую святыню, какъ вѣрнѣйшій залогъ неизсякаемой къ себѣ милости Божіей, а чрезъ то и собственнаго благополучія и величія.

И сколько ни воздвигалось предъ нимъ соблазновъ, прельщеній, вражескихъ ухищреній и опасностей измѣнить православію, онъ устоялъ противъ нихъ непоколебимо, какъ гранитъ, инстинктивно понимая, что измѣнить православію значило бы измѣнить себѣ.

Но драгоцѣнный даръ Византіи новообращенному народу не ограничился одною этою святыней православія: одновременно съ заботливымъ ея охраненіемъ, Византійская Церковь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ревностно трудилась надъ разработкою церковнаго

законодательства, надъ благоустроеніемъ внѣшней стороны богопочтенія, надъ включеніемъ многоразличныхъ его обрядовъ въ соотвѣтственныя его идеѣ формы, и, ко времени просвѣщенія Руси закончивъ этотъ колоссальный трудъ, передала его, чрезъ посредство Равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, тѣмъ славянскимъ церквамъ, которыя были предшественницами Русской; когда же совершилось пріобщеніе Руси къ великому тѣлу Вселенской Христовой Церкви, она, вмѣстѣ съ догматическимъ ученіемъ православія, приняла и весь законченный циклъ церковнаго законодательства вмѣстѣ съ обрядовыми и богослужебными формами, до высшей степени совершенства приспособленными къ повседневнымъ религіознымъ надобностямъ практической жизни христіанъ.

И что было въ данномъ случаѣ всего благотворнѣе именно для усовершенія русскаго христіанина въ обязанностяхъ практическаго богопочтенія, для массы несравненно болѣе понятныхъ, нежели сверхчувственныя основанія догматики,—Русская Церковь съ первыхъ же дней своего существованія получила счастливую возможность поучаться священному писанію и преданію, и не только внѣшнимъ образомъ, но и внутренно, сознательно участвовать въ общественныхъ богослуженіяхъ, ибо приняла всѣ эти духовныя сокровища на родномъ для нея обще-славянскомъ нарѣчіи, которое, и доселѣ понятное русскому простолюдину, въ тѣ времена и еще много менѣе разнилось отъ народнаго языка: преимущество, котораго лишены христіанскія церкви, заимствовавшія свое религіозное просвѣщеніе отъ Рима.

Этотъ рядъ духовныхъ сокровищъ, пріобрѣтенныхъ нами отъ Византіи, достойно заключился безцѣннымъ

даромъ, который принесла новосозданной Русской Церкви ея старшая Константинопольская сестра во Христѣ учрежденіемъ для нея церковной іерархіи.

За невозможностью найти, по отсутствію духовнаго просвѣщенія, среди самаго русскаго народа людей, способныхъ блюсти юную церковь и направлять дарованныя ей учрежденія по пути преуспѣянія, Цареградскій патріархатъ, одновременно съ крещеніемъ Руси, отечески озаботился о поставленіи для нея представителей епископской власти, безъ которой вообще немыслимы ни внѣшній порядокъ въ дѣлахъ церкви, ни ея внутренняя жизнь и процвѣтаніе. Нарочитая надобность въ прочно поставленной іерархіи была тѣмъ болѣе ощутительною для страны, до вчерашняго дня языческой, пропитанной невѣжественными суевѣріями и предразсудками, съ которыми предстояла, во имя Христово, упорная брань, трудная тѣмъ болѣе, что единственнымъ противъ нихъ оружіемъ было слово пастырскаго обличенія, увѣщанія и назиданія. Кромѣ этой борьбы съ остатками невѣрія, укрывавшимися отъ свѣта христіанскаго ученія въ темномъ мракѣ невѣжества, новоучреждаемой іерархіи предстояли и великіе подвиги апостольскаго служенія, долженствовавшіе разливать свѣтъ истинной вѣры на племена, сопредѣльныя съ просвѣщенными, и по своему близкому съ ними сосѣдству и національному сродству не могшія оставаться безъ ихъ благотворнаго воздѣйствія.

И—благодареніе Богу и честь патріархату—Константинопольская Церковь въ данномъ случаѣ оказалась на высотѣ своего достоинства, отнесшись къ нелегкой задачѣ съ подобающею мудростью и осмотрительностью: сонмъ епископовъ и пастырей и рядъ митрополитовъ, поставленныхъ ею для духовныхъ потребностей Кіев-

ской церковной каѳедры, отличался если не знаменитою богословскою ученостью, не блестящими проповѣдническими талантами, то безспорно яснымъ сознаніемъ величія возложеннаго на нихъ подвига, искреннею ревностью къ его совершенію, самоотверженіемъ въ трудахъ на пользу своей новой духовной паствы, теплою заботливостью объ утвержденіи среди нея истиннаго вѣроученія и правилъ христіанской нравственности и о насажденіи на первобытной грубой почвѣ языческихъ сердецъ плодотворныхъ сѣмянъ христіанской добродѣтели: о большинствѣ ихъ безъ преувеличенія можно сказать, вмѣстѣ съ Апостоломъ, что именно *таковъ намъ подобаше архіерей*... Сугубо великимъ является ихъ апостольское служеніе и въ соображеніи того еще обстоятельства, что свои подвиги совершали они въ странѣ, которой дотолѣ были чужды и по происхожденію, и по обычаямъ, и по языку, среди паствы, далеко не симпатизировавшей ихъ національности (о которой, столѣтіе спустя, даже преподобный лѣтописецъ Несторъ, безъ сомнѣнія высказавшій въ этомъ случаѣ взглядъ большинства своихъ соотечественниковъ, отозвался весьма несочувственно, выразившись, какъ извѣстно, такъ: „суть бо греци льстиви до сего дне"), подъ гнетущимъ сознаніемъ своего нравственнаго одиночества и съ единственною надеждою на помощь Божію...

Какъ благодатные символы благословенія Божія себѣ и своей новой паствѣ, греческіе епископы несли ей въ даръ изобиліе разнообразной церковной святыни, богатствомъ коей славилась Византія, какъ-то: чудотворныя или исторически славныя иконы, кресты, части святыхъ мощей мучениковъ или угодниковъ и т. п., понимая, что практическая сторона богопочтенія не можетъ не имѣть глубокаго вліянія на сердца людей, въ

большинствѣ лишенныхъ умственнаго развитія, и что это вліяніе можетъ оказывать въ высшей степени благотворное дѣйствіе на религіозное воспитаніе народа.

И дѣйствительно, привыкшій къ крайне реальному представленію божества и религіозной святыни подъ видомъ деревянныхъ идоловъ, недавній язычникъ, въ качествѣ христіанина, не могъ не находить сходнаго съ прежнимъ, но гораздо болѣе одухотвореннаго, религіознаго удовлетворенія, благоговѣйно лобызая эти святыни при молитвенномъ обращеніи къ тѣмъ святымъ угодникамъ, имена коихъ съ этими святынями связаны.

Византія же дала нашей церкви и еще два могущественныя средства къ насажденію благочестія въ народѣ, именно церковныя живопись и пѣніе.

Чрезвычайное изобиліе священныхъ изображеній въ православныхъ храмахъ, діаметрально противуположное пустотѣ храмовъ католическихъ и протестантскихъ, душу каждаго богомольца невольно какъ бы погружаетъ въ созерцаніе святыни, а мысль возноситъ къ тѣмъ священнымъ событіямъ и лицамъ, изображенія коихъ онъ видитъ передъ собою всюду, куда бы ни устремилъ своего взора; и мгновенно охваченное этимъ сплошнымъ впечатлѣніемъ святыни чувство также мгновенно умиляется, выражаясь благоговѣйною молитвой и даже слезами благочестиво-покойной радости; самый характеръ изображеній,—эти строгіе, иногда суровые лики праведниковъ, какъ бы поучающихъ благочестивымъ подвигамъ, коими они прославлены,—усугубляетъ впечатлѣніе, усиливаетъ благоговѣніе, устремляя и умъ, и сердце къ одной молитвѣ, и только къ молитвѣ...

Церковно-богослужебныя пѣснопѣнія, разсчитанныя не столько на услажденіе эстетическаго чувства, сколько на возбужденіе молитвеннаго настроенія, представляютъ

всею их совокупностью поистинѣ высокій образецъ совершенства: каждый особый родъ пѣснопѣній дивно приспособленъ къ тому, чтобы устремлять умъ въ духовное созерцаніе того или другаго требуемаго характера, возбуждать въ сердцѣ то или другое требуемое чувство.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, черствое сердце не умилится, напримѣръ, тихою скорбью въ то время, когда совершается чинъ погребенія или панихида по усопшемъ? Чья душа не воздохнетъ о своихъ грѣхахъ при покаянныхъ пѣснопѣніяхъ четыредесятницы? Какая удивительная, строго выдержанная послѣдовательность въ характерѣ пѣснопѣній недѣли Вайй и всей страстной седмицы! Какая тихая, но глубокая радость исполняетъ душу при пѣніи вдохновеннаго канона Успенію Богоматери, какіе порывы духовнаго восторга пробуждаетъ въ сердцѣ канонъ Рождеству Христову, и какая безпредѣльная, могучая, свѣтлая радость отражается во всемъ пасхальномъ канонѣ!

Короче сказать: музыка нашихъ церковныхъ напѣвовъ неподражаема, и если о чемъ можно пожалѣть, это о томъ, что въ позднѣйшія времена она искажена, испорчена и обезсмыслена во многихъ музыкальныхъ композиціяхъ, принадлежащихъ вольнымъ композиторамъ, произведенія коихъ и исполняются теперь пѣвческими хорами, заботливыми болѣе объ эффектахъ, а не о душевномъ настроеніи молящихся.

Что касается истинно церковнаго пѣнія, еще и доселѣ находящаго пріютъ во многихъ монастырскихъ обителяхъ — народъ любитъ его не менѣе живописи древнихъ нашихъ храмовъ, и полюбилъ его немедленно по его введеніи въ богослуженіе, равно какъ ради того и другой полюбилъ и продолжаетъ любить храмы

Божіи, посѣщать ихъ, украшать существующіе и созидать новые, во славу Божію и въ утѣшеніе своему религіозному чувству.

Таково значеніе Византіи въ исторіи Русской Церкви: ей мы обязаны и чистотою исповѣданія, и незыблемою твердостію православія, и благочестивымъ характеромъ народа и, слѣдовательно, самою мощію государственной.

III.

Значеніе Русской Церкви въ государственной и народной жизни.

Внушая своей паствѣ высокія правила христіанскаго ученія о почтеніи къ царю и о повиновеніи и покорности властямъ, и даже безразлично — кроткимъ или строптивымъ, православная церковь, чуждая, притомъ, латинскаго высокомѣрія, и сама въ своихъ практическихъ отношеніяхъ къ власти государственной не могла руководиться иными принципами.

Но это не только не умалило принадлежащаго ей значенія и достоинства, а напротивъ, окружило ее, въ глазахъ верховныхъ вождей русскаго народа, ореоломъ особаго къ ней довѣрія, какъ къ духовному царству не отъ міра сего, ничѣмъ свѣтской власти не грозящему и никакихъ политическихъ счетовъ съ ней не имѣющему.

Слѣдствіемъ этого взгляда было, во-первыхъ, то, что князья, свободные отъ опасеній какого-либо соперни-

чества церковной власти съ ихъ собственною, тѣмъ ревностнѣе предавались заботамъ о возможно болѣе крѣпкомъ утвержденіи ея въ сферѣ ея законнаго вліянія, а во-вторыхъ то, что наиболѣе выдающихся изъ ея представителей удостоивали особой къ себѣ близости въ качествѣ совѣтниковъ и учителей, и не только по вопросамъ, касавшимся духовнаго просвѣщенія народа, но и по дѣламъ внутренней, а нерѣдко и внѣшней политики.

Такъ, изъ первыхъ временъ русскаго христіанства извѣстенъ фактъ, когда св. князь Владиміръ, въ купели крещенія чудесно преобразившійся изъ жестокосердаго язычника въ благодушнаго и ревностнаго исповѣдника Христовыхъ ученій, слишкомъ широко понимая ихъ въ ущербъ гражданскимъ требованіямъ общественнаго порядка, сдѣлался не въ мѣру снисходителенъ къ нарушителямъ онаго,—новопоставленные епископы юной церкви не замедлили указать ему на грозящія отъ того гибельныя для страны послѣдствія, равно какъ и на то, что милосердіе христіанина отнюдь не должно разъединяться въ его сердцѣ съ правосудіемъ князя и что справедливыя кары на преступниковъ закона гражданскаго отнюдь не составляютъ преступленія противъ правилъ христіанской нравственности... И владыка Руси внялъ благовременному совѣту лицъ духовныхъ и покорился имъ...

Его сынъ и наслѣдникъ Ярославъ, почтенный отъ народа и исторіи титломъ мудраго, большую часть жизни посвятившій утвержденію въ странѣ книжнаго ученія, въ силу этого обстоятельства все время своего княженія находился въ постоянной близости съ различными представителями церкви, какъ съ наилучшими и надежнѣйшими наставниками на излюбленномъ имъ по-

прищѣ дѣятельности, и всѣхъ ихъ, по свидѣтельству лѣтописей, *излиха любляше,* т.-е. удостоивалъ особенно искренняго своего благорасположенія.

Сыновья Ярослава, Изяславъ и Святополкъ, извѣстны своими искренне дружественными отношеніями къ современному имъ великому угоднику Божію, преподобному Ѳеодосію, преемнику не менѣе великаго Антонія, основателя славной въ исторіи Русской Церкви Кіево-Печерской Лавры.

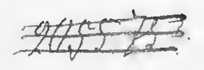
Начавшійся при нихъ, продолжавшійся не одно столѣтіе и окончившійся лишь съ возвышеніемъ московскаго княженія изъ ничтожнаго удѣла въ могущественное царство, тяжкій періодъ удѣльныхъ княжескихъ смутъ и татарскаго ига засталъ православную церковь уже настолько окрѣпшею, народъ настолько приверженнымъ къ православной вѣрѣ, пастырей церкви настолько сознающими свое достоинство, что неоднократно за время этихъ тяжкихъ испытаній голосъ церкви предупреждалъ взрывы родственной вражды, бранныя столкновенія и кровавыя междоусобія, обличалъ вѣроломныхъ, вразумлялъ малодушныхъ, примирялъ враждующихъ, укрѣплялъ вѣрою въ Бога и надеждою на Его милосердіе народъ, изнемогавшій подъ двойнымъ бременемъ и внутреннихъ невзгодъ, и чужеземнаго иновѣрнаго порабощенія.

А къ концу этого поистинѣ страднаго для Руси времени церковь православная изъ нѣдръ своихъ воздвигла цѣлый рядъ великихъ мужей, которые, не переставая быть ея чудными свѣтильниками, соединили въ себѣ личныя добродѣтели съ достоинствами архипастырскаго сана, а сіи послѣднія съ замѣчательными способностями государственнаго служенія, пророческою прозорливостью и необычайнымъ политическимъ тактомъ. Бла-

годаря имъ и ихъ благотворному вліянію на государственныя и политическія дѣла юнаго московскаго княжества, оно главнѣйшимъ образомъ и пріобрѣло, въ короткій сравнительно періодъ времени, то могущество и ту смѣлость, съ какими раздавило удѣльный сепаратизмъ и развѣнчало массу удѣльныхъ самодержцевъ, низведя ихъ изъ положенія владѣтельныхъ князей въ положеніе сначала своихъ вассаловъ, а потомъ и обыкновенныхъ бояръ; эти же могущество и смѣлость превозмогли и надъ стихійною силой татарской орды, безбоязненно властвовавшей надъ раздробленною Русью и не замедлившей отступить передъ нею же, объединенной подъ скипетромъ московскихъ князей, какъ скоро они стали истинными самодержцами всея Руси.

Первое прочное основаніе московскому самодержавію положено, безспорно, перенесеніемъ въ скромный дотолѣ городокъ, бывшій не болѣе какъ любимою резиденціей одного изъ удѣльныхъ князей, митрополичьей каѳедры: на этотъ смѣлый поступокъ, повинуясь, безъ сомнѣнія, своей благочестивой прозорливости, отважился святитель Петръ, несмотря на то, что самъ носилъ санъ митрополита Кіевскаго и всея Руси. Что не одними соображеніями человѣческаго разума великій святитель Русской и первосвятитель Московской церкви руководился, приступая къ столь рѣшительному шагу въ области церковной политики, а вмѣстѣ и таинственнымъ проникновеніемъ въ неисповѣдимыя судьбы, Промысломъ Божіимъ уготованныя Русской Державѣ и Церкви, это явствуетъ: 1) изъ того, что, водворивши въ новой столицѣ всероссійскую митрополію, онъ первѣе и наипаче всего озаботился украсить ее храмомъ, достойнымъ ея новаго положенія, какъ главнаго города Руси, положивъ основаніе славному въ

нашей исторіи Успенскому Собору; 2) изъ того, что закладку этого дивнаго по своему значенію памятника и своей теплой вѣры и великокняжескаго благочестія благословилъ не менѣе дивнымъ пророчествомъ въ отеческомъ наставленіи къ великому князю, другу своему: „если послушаешь меня, сынъ мой, — изрекъ ему святитель, указуя на созданіе храма,—то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ паче иныхъ князей, и градъ твой будетъ славенъ предъ всѣми градами русскими, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плещи враговъ его, и прославится Богъ въ немъ.“ Свято исполненный завѣтъ первосвятителя не замедлилъ оправдаться и исполненіемъ его чуднаго пророчества, сказавшимся въ быстромъ возвышеніи Москвы и ея князей, въ утвержденіи ея политикой Русской Державы, въ прославленіи Богомъ цѣлаго сонма ея святителей, и въ явно обращенномъ на нее благоволеніи Божіемъ.

Ближайшій преемникъ святителя Петра на каѳедрѣ московской митрополіи, святитель Алексій, славный и подвигами благочестія и святой жизни, и трудами церковнаго домостроительства, и даромъ чудотворенія, не менѣе прославился и служеніемъ своимъ на пользу великаго княжества московскаго, то какъ миротворецъ между враждующими жертвами удѣльныхъ раздоровъ, то какъ защитникъ и чудесный ходатай за родину предъ ордынскими ея властителями, то, наконецъ, какъ искусный воспитатель и опытный совѣтникъ юнаго великаго князя Димитрія въ вѣрѣ, благочестіи, царственныхъ доблестяхъ и политической мудрости. Сколь велико было нравственное вліяніе приснопамятнаго святителя на умы современниковъ, о томъ свидѣтельствуетъ завѣщаніе великаго князя Симеона, прозваннаго

Гордымъ, въ которомъ онъ, обращаясь къ князьямъ и предостерегая ихъ отъ раздоровъ, не нашелъ ничего другаго, какъ преподать совѣтъ: „худыхъ людей не слушайте, а если кто станетъ ссорить васъ, слушайтесь отца нашего, владыки Алексія.“ Могущественное заступничество святителя за родину и ходатайство о ея мирѣ и спокойствіи ознаменовались его двукратными славными путешествіями въ орду, изъ коихъ первое сопровождено было очевиднымъ знакомъ милости Божіей къ Своему ревностному служителю и къ его духовной паствѣ. Величайшее смущеніе въ великокняжескихъ совѣтахъ произвело краткое, но грозное посланіе тогдашняго иновѣрнаго властелина Руси: „Мы слышали,—писалъ ханъ Джанибекъ великому князю,—что есть у васъ служитель Божій Алексій, котораго Богъ слушаетъ, когда онъ о чемъ попроситъ. Отпустите его къ намъ; если его молитвами исцѣлѣетъ моя царица, то дарую вамъ миръ, если же не отпустите его, пойду опустошать землю вашу.“ На просьбы и мольбы великаго князя отвратить отъ народа страшное нашествіе враговъ, смиренномудрый святитель, держа въ своей рукѣ судьбу всей Руси, отвѣтилъ: „Прошеніе и дѣло превышаютъ мѣру силъ моихъ, но я вѣрую Тому, Который даровалъ прозрѣніе слѣпому,—Онъ не презритъ моленія вѣры,“ и отправился въ орду, гдѣ слѣпая Тайдула, жена Джанибека, и прозрѣла по его молитвѣ, и откуда онъ, богато одаренный ханомъ, возвратился къ своему обычному служенію истиннымъ спасителемъ своей родины. Второе путешествіе святителя къ хану Бердибеку, сыну исцѣленной Тайдулы, извѣстному своею свирѣпостью, было не менѣе успѣшно, и народъ съ покорною признательностію встрѣчалъ своего избавителя, а юный князь Димитрій, достолю-

бимый воспитанникъ святителя, будущій герой Донской битвы, тогда еще восьмилѣтній отрокъ, встрѣтилъ своего наставника и благодѣтеля отъ сердца истекшимъ восклицаніемъ: „Владыко! Чѣмъ заплатимъ тебѣ за труды твои?“

Юный князь, конечно, не предъощущалъ въ это время той великой нравственной силы, какая позднѣе созрѣла въ его душѣ, согрѣваемой мудрыми наставленіями учителя праведника, и вдохновила его достойно вознаградить труды и заботы святителя объ его воспитаніи, побѣдоносно отразивъ враговъ православія отъ предѣловъ земли своей и тѣмъ положивъ твердое основаніе ея постепенному освобожденію...

И не только святители, подвизавшіеся въ своемъ служеніи близко кормила государственнаго правленія, но и скромные подвижники дремучихъ лѣсовъ, славные борьбою лишь съ невидимыми врагами, по изволенію Промысла Божія подвигались на чреду служенія своей родинѣ и ея благу.

Такъ, великій во инокахъ преподобный Сергій, искренній другъ и смиренный послушникъ святителя Алексія, спѣшитъ въ Нижній-Новгородъ для вразумленія строптиваго князя, а не успѣвъ въ томъ налагаетъ прещеніе на общественную молитву гражданъ, замыкая всѣ городскіе храмы. Граждане выражаютъ безпокойство и недовольство на князя, и непокорный смиряется предъ настояніями смиреннаго инока, не осмѣливаясь даже и помыслить о возможности сопротивленія, хотя скромный видъ безоружнаго старца-постника легко предоставлялъ ему эту возможность... Тотъ же преподобный старецъ не только ободряетъ великаго князя Димитрія на брань съ невѣрными, но и пророчественно благословляетъ его на побѣду: „Тебѣ, государь, —

говоритъ онъ ему въ напутствіе,—должно попещись о врученномъ тебѣ христоименитомъ стадѣ; Богъ правды даруетъ тебѣ побѣду и сохранитъ тебя для вѣчной славы, а многимъ изъ сподвижниковъ твоихъ готовы вѣнцы мученическіе". Какъ бы въ залогъ этой побѣды преподобный предлагаетъ князю двухъ своихъ послушниковъ, Пересвѣта и Ослябю, которыхъ и посылаетъ противу враговъ; благословивъ князя на брань, преподобный духовно сопутствуетъ ему, ратоборствуя съ врагами побѣдоноснымъ оружіемъ молитвъ своихъ, и спѣшитъ ободрить духъ его подтвержденіемъ пророчества: „иди, иди смѣло, князь," пишетъ онъ ему, посылая ему на поле грядущей битвы просфору, „надѣйся на помощь Божію."

Изъ послѣдующихъ преемниковъ свв. Петра и Алексія духовными доблестями, твердостію своихъ убѣжденій, ревностію о церкви, нелицепріятіемъ, заботливостью о благѣ родины нарочито прославились: митрополиты свв. Іона и Филиппъ, патріархи Іовъ и Гермогенъ.

Святитель Іона, безбоязненно возвышавшій свой независимый и обличительный голосъ противъ жестокосердыхъ вѣроломствъ нечестиваго Шемяки, съ тою же несокрушимою твердостію возсталъ и на защиту православія противъ поползновеній Флорентійской уніи, и ту же побѣдоносную непоколебимость духа явилъ и въ защитѣ осажденнаго татарами, покинутаго княземъ и войскомъ Кремля, спасеннаго не столько силами и искусствомъ осаждаемыхъ, сколько теплыми молитвами святителя и его духовныхъ сподвижниковъ.

Святитель Филиппъ, великій подвижникъ благочестія, призванный Грознымъ царемъ изъ игуменовъ Соловецкой обители на каѳедру Московской митрополіи,

ничтоже сумняся и нисколь немедля, всею силою своего мощнаго духа и всею ревностію своего аскетическаго благочестія ополчился противъ безсмысленныхъ звѣрствъ и безчинствъ недостойнаго вѣнценосца, непрестанно нарушая его грѣховный покой своими вразумленіями, уязвляя его омраченную гордость своими обличеніями, защищая отъ его неистовствъ народъ и церковь, не побоялся ни уготованнаго ему позора, ни тяжелаго заточенія, и съ радостію встрѣтилъ предугаданную имъ мученическую кончину отъ руки достойнаго сподвижника царева въ преступленіяхъ.

Патріархи Іовъ и Гермогенъ, великіе свѣтильники вѣры и благочестія среди мрака междуцарствія, явили себя вполнѣ достойными преемниками своихъ славныхъ предшественниковъ: ни прельщенія, ни угрозы, ни истязанія не могли заставить ихъ отречься, въ угоду крамолѣ, отъ того, что они считали законнымъ, справедливымъ, согласнымъ съ волею Божіею, съ благомъ народа русскаго и церкви православной. Послѣ грубаго издѣвательства надъ первымъ изъ нихъ и удаленія его изъ Москвы, какъ ни напрягали крамольники своихъ усилій къ тому, чтобы склонить къ своимъ видамъ оставшагося въ ихъ власти мужественнаго Гермогена, однако не успѣли въ этомъ: мало того, подъ угрозами истязаній доблестный старецъ впервые указалъ народу на невѣдомаго въ то время наслѣдника осиротѣвшаго русскаго царства, чѣмъ пророчески и уготовалъ утвержденіе на престолѣ Русскомъ новой славной династіи, расположивъ смятенные умы и сердца русскихъ людей къ богоизбранному юношѣ, вскорѣ признанному и ихъ поголовнымъ избраніемъ.

Этотъ непрерывный сонмъ святыхъ мужей, славныхъ и въ своей земной жизни печатію особой близости къ

Богу, достойно подвизавшихся добрымъ подвигомъ ревностнаго служенія истинной вѣрѣ и духовному просвѣщенію, а чрезъ то и политической крѣпости своего народа, представляетъ небывалое въ исторіи христіанства явленіе, напоминающее собою славный періодъ ветхозавѣтной исторіи избраннаго народа Божія, когда послѣдній, за оскудѣніемъ среди него мудрости и доблести человѣческой, направлялъ свои судьбы по указанію богоизбранныхъ мужей, съ тѣмъ лишь различіемъ, что еврейская ѳеократія не признавала рядомъ съ собою равноправной себѣ гражданской власти, тогда какъ іерархія русскаго царства совершила его судьбы, не только не уничтожая и не унижая царской власти, но окружая ее особымъ ореоломъ нарочитаго величія, сообщая ей наибольшую прочность и незыблемость, укореняя въ каждомъ русскомъ сердцѣ, рядомъ съ любовію и приверженностью къ православію, любовь и преданность къ царскому единодержавію и самодержавію.

Православная церковь вѣруетъ, что эти богодухновенные представители русской іерархіи продолжаютъ чудесное служеніе земному отечеству и въ небесномъ своемъ отечествѣ, возсылая къ престолу Божію теплыя молитвы о благосостояніи своей родины, возвеличенной ихъ трудами и попеченіями. И каждый истинно-русскій человѣкъ, безпристрастно обозрѣвая и испытуя судьбы обновленной Россіи подъ скипетромъ новой династіи, не можетъ всею полнотою сердца не слѣдовать въ этомъ вѣрованіи по стопамъ своей Матери, въ виду небывалаго во всемірной исторіи по своей быстротѣ и славѣ возрастанія своего отечества въ могуществѣ и величіи, уже теперь превознесшихъ Россію паче всѣхъ царствъ земныхъ,—возрастанія, даже

на глазахъ нынѣшнихъ поколѣній не останавливающагося, не прекращающагося и восходящаго, по изволенію Промысла, отъ силы въ силу.

IV.

Благочестіе русскаго народа.

Вѣруя въ благодатную силу молитвъ своихъ небесныхъ заступниковъ русскій народъ не оскудѣваетъ и благочестивою надеждой на то, что они не покинутъ его своею помощію до совершенія предназначенныхъ ему Промысломъ историческихъ судебъ, и эти вѣра и надежда отъ временъ Св. Владиміра и до нашихъ дней исполняютъ его сердце и любовію къ отечеству, и преданностью православію столь ревностными, что онѣ заслужили ему преимущественное названіе *благочестиваго*, и его благочестіе не только не подвергается сомнѣнію или спору, но и вошло въ пословицу. И дѣйствительно, обозрѣвая общій ходъ исторіи русскаго народа со временъ его просвѣщенія православіемъ, всякій безпристрастный и не предубѣжденный наблюдатель поражается едва ли не исключительнымъ въ исторіи человѣчества фактомъ, который заключается въ томъ, что: 1) религіозная идея глубоко проникаетъ сознаніе народа и 2) принимается имъ и понимается въ наиболѣе конкретной, почти осязательной формѣ, не столько говорящей уму, сколько сердцу, почти враждебной ограниченному разсудку, но отрадной для широкой области чувства.

Такому именно выраженію религіозной идеи въ много-

вѣковомъ теченіи народной жизни какъ нельзя болѣе благопріятствовали и внѣшнія, и внутреннія обстоятельства тысячелѣтней исторіи русскаго народа: многочисленные враги его спокойствія—половцы, печенѣги, болгары и др. съ первыхъ временъ его исторической жизни своими непрестанными набѣгами и опустошеніями разрушали его внѣшнее благополучіе, тѣмъ самымъ обращая его умственные взоры къ міру внутреннихъ нравственныхъ утѣшеній, которыхъ неистощимое богатство заключалось въ возвышенномъ ученіи православія и въ его обрядовой сторонѣ, имѣвшей непосредственное и непрерывное соприкосновеніе со всѣмъ строемъ и распорядкомъ повседневной жизни каждаго христіанина. Не обезпеченный въ своемъ достаткѣ, не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, вѣчно боящійся не только за миръ и за спокойствіе своей жизни, но и за самую жизнь, каждый гражданинъ тогдашней Руси невольно и вполнѣ естественно обращался къ Невидимому Верховному Властителю судебъ человѣческихъ, всѣ бѣды и злоключенія принимая какъ Его попущеніе, испытаніе или наказаніе, всѣ житейскіе успѣхи и радости свои приписывая Его же милосердію, а теченіе всей своей и политической, и общественной, и частной жизни разсматривая какъ слѣдствіе неисповѣдимаго о себѣ и своемъ народѣ Промысла Божія.

Наступившія вслѣдъ за введеніемъ христіанской вѣры княжескія смуты и междоусобія удѣльнаго времени, тягостно отражавшіяся на всѣхъ безразлично общественныхъ классахъ народа, могли только утверждать и укрѣплять его въ этихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ; наставшее затѣмъ порабощеніе чуждому и иновѣрному игу, тогда же принятое народомъ какъ Божіе наказаніе за тяжкіе грѣхи родственной и семейной вражды, окон-

чательно укоренило ихъ въ немъ, кровавыми письменами неизгладимо начертавъ ихъ въ его сердцѣ, истрадавшемся вѣками политическаго и нравственнаго униженія и матеріальнаго разоренія. И когда, наконецъ, „въ искушеньяхъ долгой кары перетерпѣвъ судьбы удары, окрѣпла Русь“, тотъ же „тяжкій млатъ“ Провидѣнія, который выковалъ ея политическую крѣпость и несокрушимость, закалилъ ея сердце непоколебимою преданностью православію, живою вѣрою во Христа и Его Церковь, искреннею любовію къ Ея божественнымъ установленіямъ и священнымъ обрядамъ.

Рѣдкое въ исторіи единомысліе верховной власти съ народомъ въ отношеніи религіозныхъ вопросовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что князья никогда не шли противъ благочестивыхъ стремленій своихъ подданныхъ, а всегда на встрѣчу имъ, пріумножая горячее рвеніе народа о благочестіи своимъ поучительнымъ примѣромъ, подавая ему достойные подражанія образцы христіанской жизни, богобоязненныхъ обычаевъ, ревности о славѣ Божіей и объ утвержденіи видимой Его Церкви.

Извѣстенъ крутой нравственный переворотъ, испытанный Равноапостольнымъ Просвѣтителемъ Руси по воспринятіи святаго крещенія, обратившій его языческое жестокосердіе въ милосердіе даже къ ворамъ и разбойникамъ, не говоря уже о нищихъ и убогихъ, его языческое сластолюбіе въ цѣломудріе и супружескую вѣрность, его воинственную кровожадность и безпощадность въ христіанское миролюбіе и смиреніе; но этимъ далеко не ограничились его христіанскія доблести, проявившіяся одновременно и великимъ подвигомъ устроенія новосозданной Церкви, утвержденія іерархіи и созиданія въ изобильномъ числѣ храмовъ Божіихъ, отъ простыхъ до самыхъ величественныхъ.

Не говоря уже о поразительной по великолѣпію и обширности Десятинной церкви, тогдашній Кіевъ, еще при жизни св. Владиміра, считалъ, по свидѣтельству лѣтописей, въ своихъ предѣлахъ свыше 400 храмовъ Божіихъ. Мудрый сынъ и преемникъ его, Ярославъ, на ряду съ неусыпными церковно-литературными трудами, въ дѣлѣ созиданія и украшенія храмовъ Божіихъ не уступалъ ревностію своему Равноапостольному родителю, и въ его княженіе юная церковь Русская обогатилась такими памятниками церковнаго зодчества, каковы Кіевскій и Новгородскій Софійскіе соборы, Черниговскій Спасскій и др. Удѣльныя смуты отнюдь не ослабили княжеской ревности къ созиданію храмовъ, а напротивъ, способствовали децентрализаціи этого дѣла и еще большему его распространенію, ибо многочисленные удѣльные князья наперерывъ спѣшили освятить свои владѣнія благословеніемъ Божіимъ, которое, по всеобщему вѣрованію, нарочито ниспосылается на ревнителей церковнаго благолѣпія.

Возникшее вслѣдъ за утвержденіемъ православія стремленіе къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ отшельничества и пустынножительства, встрѣченное искреннимъ сочувствіемъ и глубокимъ почтеніемъ въ народѣ, не меньшаго сочувствія и расположенія удостоилось и отъ князей, которые соперничали съ подданными въ пожертвованіяхъ на устроеніе благолѣпныхъ обителей, гдѣ бы святые мужи, обрекшіе себя на служеніе Богу, могли достойно совершать свои молитвенные подвиги. Монастыри размножались по лицу земли Русской съ поразительною быстротой, и подъ сѣнію любви народной и благосклонности княжеской привлекали въ свои безмолвныя келліи множество благочестивыхъ людей, искавшихъ замѣнить суету мірскую

душевнымъ миромъ молитвенныхъ созерцаній. По маломъ времени Богу угодно было возвеселить сердце русскаго народа явленіемъ такихъ великихъ подвижниковъ, какъ Антоній — создатель, и Ѳеодосій — устроитель знаменитой Кіево-Печерской лавры, — основатели русскаго монашества и яркіе свѣтильники православія и добродѣтельной жизни.

Одновременно съ преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ въ разныхъ концахъ Руси ревностно трудились надъ благоустроеніемъ монастырскихъ обителей подобные имъ по святости жизни подвижники, свѣтомъ своей вѣры озаряя окрестныхъ жителей и утверждая ихъ въ благочестіи, которое въ скоромъ времени возвысилось до степени непрерывнаго преданія, покоряя себѣ умы и сердца всего народа, отъ простолюдина до князя включительно, такъ что и тотъ и другой, предаваясь ли мирнымъ трудамъ на пользу своего благосостоянія, ополчаясь ли на враговъ его, нравственно укрѣпляли себя преимущественно тою мыслію, что предпринимаемое ими дѣло они совершаютъ во славу Божію.

„Умремъ за Святую Богородицу и за правую вѣру“; „умремъ за Святую Софію“; „прольемъ кровь свою за домъ Пресвятыя Троицы и за святыя церкви“; „пойдемъ за правую вѣру Христову и за святыя церкви“, — взывали къ народу князья, собирая свои ратныя дружины, и народъ дружно отзывался на эти проникнутые благочестіемъ призывы, охотно покидалъ свои личныя дѣла и заботы и мужественно шелъ на защиту своей Матери Церкви. Когда же Богу угодно бывало благословить его оружіе побѣдой, вся рать отъ военачальника до послѣдняго воина смиренно отклоняла отъ себя честь побѣды, приписывая ее заступленію

Божію, Его Пречистыя Матери и святыхъ угодниковъ; таково, напримѣръ, трогательное повѣствованіе лѣтописца о томъ, какъ Андрей Боголюбскій со всѣмъ своимъ войскомъ, послѣ блестящей побѣды, одержанной надъ волжскими болгарами, „ударили челомъ предъ святою Богородицею съ радостію великою и со слезами, воздавая Ей хвалы и пѣсни".

Утомившись же отъ заботъ правленія и отъ бранныхъ подвиговъ, чувствуя свое земное поприще оконченнымъ и призывая на себя милосердіе Божіе, князья нерѣдко, въ благочестивомъ настроеніи, умиротворяли свою душу воспринятіемъ иноческаго сана, въ каковомъ и отходили въ вѣчность. Такъ, вслѣдъ за постриженіемъ въ монашество скончались: св. Александръ Невскій, Андрей и Даніилъ Александровичи (московскіе), Іоаннъ Даниловичъ Калита, Симеонъ Гордый, Михаилъ Александровичъ Тверской, Александръ Ростовскій и мн. др. Благочестивому обычаю этому, по примѣру князей, весьма часто слѣдовали и княгини, какъ напримѣръ, мать св. Александра Невскаго, Евфросинія, жена Симеона Гордаго, Анастасія, жена его брата Іоанна Іоанновича, Александра, жена Димитрія Донскаго, Евдокія и мн. др.

Укрѣпленію народа въ благочестіи и проникновенію имъ всѣхъ его нравовъ и обычаевъ могущественно содѣйствовала особая милость къ нему Божія, явленная въ прославленіи святыхъ подвижниковъ Православной Церкви нетлѣніемъ ихъ мощей и чудесами, отъ нихъ исходящими. Вслѣдъ за пренесеніемъ изъ Византіи части честныхъ мощей св. Климента, папы Римскаго, ученика его Фива и др. угодниковъ, Православная Церковь Русская послѣдовательно украшалась нетлѣнными и чудотворными мощами: святой Равноапостольной кня-

гини Ольги, св. Равноапостольнаго князя Владиміра, свв. благовѣрныхъ князей-страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, препп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, препп. Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ; святителей: Арсенія Коневецкаго, Ефрема Новоторжскаго, Авраама, Леонтія и Исаіи Ростовскихъ, Никиты Новгородскаго, благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго, благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго и болярина его Ѳеодора, великихъ святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, Московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ, преподобнаго Сергія, основателя Троицкой лавры, и множества другихъ.

Слава ихъ молитвеннаго заступленія и чудесныхъ исцѣленій, распространяясь въ народѣ, громадными массами привлекала его на поклоненіе ихъ мощамъ, основывая такимъ образомъ впослѣдствіи излюбленное народомъ благочестивое стремленіе къ паломничеству, которое, въ силу тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, быстро усиливалось и, не ограничиваясь поклоненіемъ отечественной святынѣ, проявлялось путешествіями въ Царьградъ, на Аѳонскую гору и преимущественно въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню.

Этотъ послѣдній видъ паломничества, начавшійся съ первыхъ же временъ православія въ Россіи и постепенно распространявшійся, кромѣ нравственнаго своего значенія въ качествѣ благочестиваго подвига, заключаетъ въ себѣ и глубокій политическій смыслъ, уже не разъ сказывавшійся въ инстинктахъ народа: повѣствуя о своихъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, оскверненнымъ игомъ невѣрныхъ, о гробѣ Господнемъ, охраняемомъ магометанской стражей, паломники вызываютъ въ сердцѣ русскаго народа невольное и болѣз-

ненное чувство въ отношеніи къ поруганной величайшей святынѣ христіанства, и непріязненное чувство въ отношеніи къ Турецкому народу, а въ умѣ народномъ посѣваютъ мысль о своеобразномъ рѣшеніи восточнаго вопроса путемъ уничтоженія турецкаго владычества надъ Царьградомъ, Святою Горой и Палестиной.

Возвышаясь до степени религіознаго вѣрованія, это народное убѣжденіе окружаетъ особою популярностью всѣ многократныя столкновенія Россіи съ Турціей, хотя собственно противъ турокъ нашъ народъ ничего не имѣетъ, относясь къ нимъ гораздо дружелюбнѣе, чѣмъ, напримѣръ, къ евреямъ и даже полякамъ - славянамъ; въ смыслѣ религіозно-политическаго принципа убѣжденіе это властно господствуетъ не только надъ разумомъ народа, не только надъ общественнымъ мнѣніемъ, но и надъ дипломатическими направленіями, и надъ воззрѣніями самой верховной власти—какъ то блистательно доказали событія, предшествовавшія послѣдней восточной войнѣ и отчасти вызвавшія или, по крайней мѣрѣ, ускорившія ее.

Такимъ образомъ, исторически сложившійся на основахъ каѳолическаго православія строй религіозныхъ воззрѣній русскаго народа, въ повседневной его жизни сказывающійся многоразличіемъ богобоязненныхъ нравовъ и благочестивыхъ обычаевъ, въ общемъ религіозно-политическомъ смыслѣ достойно воплощается въ высокомъ и многотрудномъ историческомъ идеалѣ, осуществленіемъ коего и имѣютъ въ грядущія времена достойно увѣнчаться судьбы великаго народа—судьбы, свершеніе коихъ самъ онъ таинственно прозрѣваетъ въ наиболѣе торжественные моменты своего бытія.

———

V.

Вѣротерпимость и свобода совѣсти въ Русской Церкви.

Величайшій принципъ христіанства, введенный имъ въ круговращеніе человѣческой мысли, это—свобода человѣческаго *духа*.

Именно этотъ принципъ, поставленный имъ взамѣнъ древне-историческаго принципа внѣшней силы и основаннаго на немъ рабства, и доставилъ ему полное торжество и побѣду надъ язычествомъ и его религіозными и политическими учрежденіями.

Христосъ во всю свою земную жизнь никому ничего *не повелѣвалъ*: Онъ лишь звалъ къ Себѣ, и приходящимъ къ Нему предлагалъ слушать Его ученіе, и выслушавъ, слѣдовать ему въ своей повседневной жизни, обѣщая и награду за то.

„*Блажени* чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. *Блажени* плачущіе *нынѣ*: яко возсмѣетеся. *Блажени* алчущіи *нынѣ*: яко насытитеся. *Блажени* есте, егда поносятъ васъ, и ижденутъ отъ сонмищъ, и пронесутъ имя ваше яко зло Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небесѣхъ... Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; *научитеся* отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой *душамъ* вашимъ“.

И этотъ свѣтлый покой свободнаго *духа*, возносившійся высоко надъ всѣми скорбями жизни и немощами

и страданіями тѣла, становился удѣломъ всякаго, кто приходилъ къ Нему, искренно проникался Его ученіемъ и неуклонно ему слѣдовалъ: одинъ изъ величайшихъ Его Апостоловъ свидѣтельствуетъ о своемъ *нравственномъ* мирѣ и покоѣ, а слѣдовательно и о *духовномъ* веселіи и *внутреннемъ* счастіи, находясь въ оковахъ и въ темницѣ и ощущая полную свободу *духа*, превозносящагося надъ этими оковами и заключеніемъ; объ этомъ же блаженномъ веселіи *духа* среди терзаній плоти и физическихъ лишеній непререкаемо свидѣтельствуетъ и безчисленный сонмъ мучениковъ и подвижниковъ, своими кровію и трудами полагавшій твердыя основы христіанства среди враждебныхъ ему народовъ языческаго міра.

Не престаютъ и доселѣ о томъ же свидѣтельствовать, хотя и въ иныхъ, измѣненныхъ временемъ и соціальною обстановкой формахъ, подвижники и учители благочестія, многочастнѣ и многообразнѣ воздвигаемые Богомъ въ напоминаніе о Немъ и Его ученіи мятущимся суетою и житейскими заботами людямъ...

Въ сферѣ практической повседневной жизни, во внутреннихъ распорядкахъ великой всемірной общины, именуемой христіанскою церковью, этотъ принципъ свободы духа выразился и выражается въ частномъ принципѣ свободы мысли и совѣсти, и вытекающемъ изъ него принципѣ вѣротерпимости.

Въ этомъ отношеніи Церковь Христова, также какъ и ея Основатель, чуждалась и чуждается всякаго принужденія, насилія надъ человѣческой мыслью и стѣсненія человѣческой совѣсти. Это свидѣтельствуется и обычаями первоначальной христіанской общины, и исторіею первыхъ вѣковъ Вселенской Церкви съ ея исполинскою работой надъ выясненіемъ догматической

стороны христіанскаго ученія, съ ея борьбою противъ ересей, съ ея Соборами...

И тамъ и здѣсь представлялась полная *свобода* или вступать въ единеніе со Христомъ, или чуждаться Его. Но разъ вступившій въ Апостольскую общину и давшій обѣщаніе соблюдать ея правила, добровольно налагалъ на себя *обязанность* свято блюсти свой обѣтъ, нарушеніе коего наказывалось страшною карой небесною. Ананія и Сапфира, вступая добровольно въ общество христіанъ, знали, что по его правиламъ частная собственность для его членовъ не существуетъ, продали свое помѣстье, и покоряясь, по видимому, этимъ правиламъ, вырученныя отъ продажи деньги внесли въ общую кассу. Но движимые эгоистическими соображеніями, они не могли возвыситься до искренняго отношенія къ общинѣ, и утаили при этомъ часть денегъ, оставивъ ихъ при себѣ. Грозный голосъ обличенія не замедлилъ послѣдовать отъ апостола Петра, который, вызвавъ Ананію на общественный судъ, изрекъ ему: „почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому? Не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу", и вслѣдъ за этими словами вождя общины недостойный членъ ея палъ бездыханнымъ...

Если же бы этого не случилось, община сама, по своимъ уставамъ, отнюдь не прибѣгла бы ни къ какому насилію, а лишь ограничилась бы удаленіемъ недостойнаго члена изъ среды своей. Впервые намѣчая образъ взаимныхъ отношеній между членами Своей видимой Церкви, Самъ Спаситель заповѣдуетъ слѣдующія правила: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего. Аще ли тебѣ не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два:

да при устѣхъ двою или тріемъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Аще же не послушаетъ ихъ, *повѣждь церкви*“, т.-е. предай брата на судъ общественный; если же тотъ и ему не подчинится, „аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“, т. е. пусть будетъ онъ для тебя нравственно чуждымъ, а не братомъ твоимъ во Христѣ, пусть будетъ лишенъ духовнаго единенія съ тобою или, иначе, *отлученъ* отъ тебя, какъ члена церкви.

Далѣе этого отлученія отъ общины членовъ, непокорныхъ ея уставамъ, не шла Апостольская Церковь и ни о какихъ стѣсненіяхъ, преслѣдованіяхъ, а тѣмъ болѣе гоненіяхъ и не помышляла...

Точно также относилась и Вселенская Церковь послѣдующихъ вѣковъ къ тѣмъ своимъ членамъ, которые являлись нарушителями внутренняго строя ея жизни, исказителями охраняемаго ею ученія: смыслъ и сущность церковныхъ соборовъ и вселенскихъ, и помѣстныхъ заключались въ передачѣ извѣстнаго ученія или дѣянія, смущавшаго совѣсть вѣрующихъ, на усмотрѣніе общецерковнаго суда, отверженіе и осужденіе его, если оно признавалось того достойнымъ, и отлученіе отъ церковнаго общества виновника такого ученія или дѣянія, если онъ упорствовалъ въ своемъ заблужденіи и не обнаруживалъ искренней готовности къ раскаянію въ своемъ грѣхѣ.

Дальше этого христіанская Церковь опять-таки не шла, и ни гоненіямъ, ни преслѣдованіямъ ни ересей, ни еретиковъ не подвергала, дѣлали же это гражданскіе властители.

Ядовитое древо религіозныхъ гоненій и преслѣдованій расцвѣло лишь впослѣдствіи, на лонѣ римскаго католицизма, отлучившаго себя отъ вселенскаго един-

ства церкви, и на этомъ лонѣ принесло достойные плоды въ видѣ знаменитаго въ исторіи католическаго фанатизма, религіозныхъ войнъ, междоусобій, казней, пытокъ и, наконецъ, позорной и ненавистной инквизиціи.

Восточно-православная церковь, сохранившая въ неповрежденной цѣлости и чистотѣ ученія апостольскія и соборныя, сохранила себя и отъ этой язвы религіозной нетерпимости, не запятнавъ страницъ своей исторіи ни фанатизмомъ духовенства, ни кровавымъ ему пособничествомъ мірскихъ властей.

Само собою разумѣется, что ея младшая сестра, Русская Православная Церковь, съ первыхъ дней своего бытія свято чтя ея примѣры и наставленія, заимствовавъ отъ нея и истинное разумѣніе Христова ученія, и весь строй и распорядокъ правилъ и обычаевъ своей внутренней жизни, отъ нея же первоначально принявъ и личный составъ своей іерархіи и клира (воспитанныхъ отнюдь не на фарисейской закваскѣ религіозной нетерпимости, а потому не могшихъ воспитывать на ней и свою паству), въ силу этихъ причинъ легко уберегла себя отъ всякихъ проявленій религіозной нетерпимости.

Съ другой стороны новопросвѣщенный народъ русскій столь глубоко и полно увѣровалъ въ Божественную истинность принятаго имъ исповѣданія, до такой степени высоко чтилъ нравственное достоинство своей церкви въ ряду другихъ, что ни одному изъ его правителей и на мысль не приходило поднимать оружіе мірской власти и грубой внѣшней силы ради защиты Христа и Его Святой Церкви, которой даже врата адовы не одолѣютъ, отъ ихъ видимыхъ враговъ и, тѣмъ паче, для насильственнаго пріумноженія ихъ послѣдователей.

Наконецъ, что касается внутренней церковной жизни, первые вѣка по водруженіи надъ Русью Креста Христова Промыслъ Божій благословилъ ее миромъ и спокойствіемъ, такъ что она не знала ни еретиковъ, ни раскольниковъ, ни иныхъ враговъ, и всѣ ея невзгоды ограничивались возникавшими время отъ времени поползновеніями римскаго католичества подчинить ее своей власти—поползновеніями, какъ предъ незыблемымъ гранитомъ сокрушавшимися предъ непоколебимою преданностью всей Руси разъ принятому ею восточному православію.

Впослѣдствіи же, когда, искушенная въ многолѣтнемъ горнилѣ бѣдствій, порожденныхъ смутами удѣльнаго времени и татарскаго ига, Русь твердо укрѣпилась въ православіи, воскресла къ новой славной жизни подъ скипетромъ Москвы, пріобщилась къ международнымъ сношеніямъ и начала испытывать постоянно увеличивавшійся наплывъ въ ея предѣлы иноземцевъ и иновѣрцевъ, народъ русскій проявилъ къ нимъ столь по тѣмъ временамъ гуманное отношеніе, что оно сдѣлало бы честь и просвѣщеннѣйшимъ европейскимъ народамъ той эпохи: въ центрахъ, подобныхъ Москвѣ, гдѣ преимущественно селились пришельцы, коренное населеніе не только не возмущалось ихъ иновѣрными, *еретическими* религіозными обычаями, но допускало ихъ до построенія своихъ церквей, и въ обыденныхъ съ ними сношеніяхъ ограничивалось развѣ *брезгливостью*, не обнаруживая къ нимъ ни ненависти, ни презрѣнія.

Столь же благодушно относилось населеніе и къ еретикамъ, которые пробовали, хотя и неудачно, русскую почву для насажденія на ней своихъ заблужденій, и изъ которыхъ наиболѣе видную роль въ исторіи

того времени играли *стригольники* и *жидовствующіе:* они свободно селились среди сплошной массы православнаго люда, свободно среди него проживали, совершая обряды своихъ сектъ, безъ особыхъ стѣсненій вели даже пропаганду своихъ ученій, соблазняя и совращая наиболѣе неразумныхъ и легковѣрныхъ, но сколько-нибудь замѣтнаго религіознаго воздѣйствія на массу православнаго населенія оказать не могли, и всѣ исчезли безслѣдно.

Вполнѣ безуспѣшною явилась и болѣе серьезная, послѣдняя попытка римскаго католицизма покорить подъ нозѣ свои Русь православную хитроумною уловкой въ видѣ Флорентійской уніи: наставляемые святителемъ Іоною, правительство и народъ русскіе посрамили эту попытку своею непоколебимою твердостью въ восточномъ православіи и глубокимъ презрѣніемъ къ притязаніямъ властолюбиваго папства.

Даже еврейство, діаметрально противоположное христіанству и въ принципѣ ему враждебное, жило безъ гоненій за вѣру, и только въ недавнее сравнительно время возбудило противъ себя и озлобленіе простонародья, возмущеннаго пріемами еврейской эксплуатаціи, и непріязнь остальныхъ классовъ, испуганныхъ гигантскими размѣрами, коихъ эта эксплуатація нынѣ достигла.

Впрочемъ, что касается Церкви Православной, она, какъ Божественное учрежденіе, пребыла и въ данномъ случаѣ превыше человѣческихъ отношеній, оставшись въ сторонѣ отъ сферы соціальныхъ симпатій и антипатій: ея архипастыри, напротивъ того, всегда неизмѣнно первые поднимали свой мощный голосъ противъ насилій черни въ защиту евреевъ, за что неоднократно и удостоивались со стороны еврейскихъ обществъ

изъявленія самой лестной признательности, на каковыя, въ свою очередь, отвѣтствовали въ самой христіански-братолюбивой и дружелюбной формѣ. Это, безъ сомнѣнія, крайній предѣлъ христіанской вѣротерпимости, далѣе коего трудно переступить даже шагъ безъ нарушенія правилъ христіанской догматики.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ вѣротерпимости и уваженія къ религіознымъ чувствамъ ближняго, Православная Церковь всегда стояла, нынѣ стоитъ и, будемъ надѣяться, вѣчно устоитъ на высотѣ, достойной Апостольской Церкви.

Что касается правительства русскаго, оно искони не только не отставало въ этомъ отношеніи отъ истинно свободныхъ воззрѣній Церкви, но всегда шло за нею, простирая терпимость инославія чуть не до прямаго покровительства ему, иногда въ явный ущербъ православію. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не такимъ покровительствомъ объяснить: содержаніе на *казенный* счетъ, т.-е. на счетъ податей, собираемыхъ съ *православнаго* народа, множества римско-католическихъ учебныхъ заведеній въ Западномъ краѣ, римско-католическихъ и протестантскихъ законоучителей во многихъ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа, какъ-то: военныхъ корпусахъ, мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и институтахъ, римско-католическаго духовенства въ Западномъ краѣ, магометанскаго въ Оренбургскомъ и, если не ошибаемся, языческаго (ламайскаго) на отдаленныхъ окраинахъ Сибири?

Только наши русскіе отщепенцы православія, за свое невѣжественное отчужденіе отъ церкви и высокомѣрно-горделивое отношеніе къ вѣрнымъ сынамъ ея испытывали на себѣ, въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ,

тяжелую руку правительства, каравшаго ихъ различными стѣснительными мѣрами въ тщетной надеждѣ поколебать тѣмъ ихъ заблужденія и возвратить ихъ въ лоно православія; но мѣры эти предпринимались временно и проводились безъ надлежащей послѣдовательности, а теперь и вовсе почти оставлены, въ томъ соображеніи, что ими преимущественно раскольничій фанатизмъ и самъ питается, какъ бы гоненіями за вѣру, и воспитываетъ въ такихъ понятіяхъ милліонную массу невѣжественнаго простонародья.

Что же касается существующихъ административныхъ прещеній на открытое совершеніе старообрядческихъ богослуженій и обрядовъ, то оно достаточно объясняется весьма простымъ соображеніемъ, къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости вовсе не относящимся: отнюдь не къ чести раскольниковъ, контингентъ ихъ священно-и-церковно-служителей весь поголовно пополняется или изъ *бѣглыхъ* священниковъ господствующей церкви, измѣнившихъ православію по видамъ гнусной корысти, или изъ подонковъ населенія, къ которымъ полиція не можетъ относиться равнодушно: и конечно странно бы было видѣть, напримѣръ, раскольничью религіозную процессію на улицѣ, среди бѣлаго дня, съ архіереемъ изъ бѣглыхъ поповъ во главѣ и еще съ нѣсколькими бѣглыми попами въ ея составѣ,—и не странно ли было бы положеніе въ этомъ случаѣ полиціи?

VI.

Православное духовенство.

Православное духовенство русской церкви, при всей рѣзкости различій, представляемыхъ тѣми или другими его группами (монашество и бѣлое духовенство, а въ составѣ перваго—ученое меньшинство и масса простецовъ, и въ составѣ втораго— духовенство сельское, городское, столичное и военное) по ихъ значенію въ церковной жизни, обладаетъ тою рѣдкою особенностью, что все не только вышло и выходитъ изъ народа, но что значительная часть его, и въ своей сословной обособленности, по условіямъ житейской обстановки отнюдь не порываетъ тѣсной связи съ народомъ, а напротивъ, и облекшись священнымъ саномъ, продолжаетъ самыя близкія съ нимъ повседневныя отношенія. Мы говоримъ о сельскомъ духовенствѣ, столь близко стоящемъ къ народу, что оно, помимо своихъ церковнослужебныхъ обязанностей, участвуетъ, наравнѣ съ своею крестьянскою паствой, и въ земледѣльческомъ трудѣ, собственноручно вспахивая поля, посѣвая хлѣбъ и собирая его для прокормленія своихъ семей.

Существуетъ многочисленная группа мыслителей, которые готовы ставить это обстоятельство въ укоръ и духовенству, какъ унизительное для его нравственнаго достоинства и профанирующее его будто бы предъ паствой, и правительству, какъ свидѣтельствующее о его будто бы нерадѣніи къ благосостоянію служителей

церкви. Смущаясь загорѣлыми, мозолистыми руками сельскаго священника, его въ большинствѣ случаевъ далеко не щеголеватой внѣшностью и отсутствіемъ свѣтскаго лоска въ его обращеніи, эти теоретическіе поклонники болѣзненной чистоплотности обыкновенно указываютъ на католическихъ патеровъ и ксендзовъ съ одной стороны, и лютеранскихъ пасторовъ съ другой. Но, въ сущности, что же доказываютъ оба эти указанія? Не то ли, что авторы ихъ не хотятъ идти дальше одной внѣшности, и объ одной наружности только и заботятся, не интересуясь тѣмъ, что должно скрываться за нею?

Нафанатизированная Испанія, мятущаяся ребяческимъ безбожіемъ Франція, разслабленная индифферентизмомъ родина католичества, Италія—выглядываютъ изъ-за щеголеватой, выхоленной фигуры римскаго патера. Германія, вся изъязвленная раціоналистическими ученіями, съ чернью, въ умахъ которой мрачный, унылый раціонализмъ и самый холодный индифферентизмъ гнѣздятся прямо поверхъ невѣжества, съ цѣлыми полчищами ученыхъ пигмеевъ, болѣе полувѣка усердно преданныхъ разрушительной работѣ, состоящей въ кропотливыхъ, но неизмѣнно неудачныхъ подкопахъ подъ величайшія основы христіанства—стоитъ позади сытаго, самодовольно выглядывающаго лютеранскаго пастора.

За нашимъ же бѣднымъ, часто забитымъ нуждою, сгорбленнымъ отъ тяжелой земледѣльческой работы сельскимъ священникомъ доселѣ стояла, да и теперь, благодареніе Богу, продолжаетъ стоять темная, правда, масса неразвитаго люда, *умомъ* не всегда ясно и глубоко проникающая въ догматическое существо религіозныхъ истинъ, но *сердцемъ* вѣрующая въ правду и устами исповѣдующая во спасеніе; масса, жаждущая не

столько разъясненія тезисовъ догматики, сколько искренняго, словомъ и примѣромъ, назиданія въ правилахъ вѣры и практической нравственности.

И если по результатамъ дѣла судить о достоинствѣ дѣлателя, и по плодамъ о способности вертоградаря, то кто же изъ этихъ представителей трехъ типовъ пастырскаго служенія окажется наиболѣе соотвѣтствующимъ и достоинству и цѣлямъ его?

Римскій ли патеръ, этотъ религіозный магнетизеръ, стремящійся гипнотизировать и умъ, и совѣсть, и волю своей паствы, чтобы поработить ее, но только не Христу, а Его фиктивному намѣстнику,—этотъ боецъ, смотрящій на паству, какъ на стаю дикихъ звѣрей, а на себя, какъ на ихъ укротителя?

Лютеранскій ли пасторъ, видящій въ своей паствѣ аудиторію для упражненія своихъ проповѣдническихъ способностей, щедро оплачиваемыхъ, а въ своей церковной каѳедрѣ Прокрустово ложе для тѣхъ возвышенныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, которыя превосходятъ жалкую мѣру ограниченной человѣческой разсудочности?

Или же православный пастырь, духовно возраждающій въ христіанскую жизнь каждаго члена своей паствы, устрояющій его посредствомъ Таинствъ въ этой жизни, ими же сопровождающій его въ иную жизнь, и видящій въ немъ только слабаго человѣка, нуждающагося въ постоянной религіозной помощи, а въ себѣ точно такого же слабаго человѣка, лишь призваннаго благодатію Божественною вспомоществовать первому?

Отвѣтимъ на послѣдній вопросъ словами великаго учителя Русской Церкви, митрополита Филарета. Отстаивая для сельскаго духовенства право народнаго

обученія, незабвенный архипастырь высказалъ, между прочимъ, слѣдующія непререкаемыя соображенія:

„Со времени принятія христіанства и до настоящаго времени русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ духовенства. Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ во храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ, торжественныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и начальникъ сельскаго училища, и что духовенство оправдало свое призваніе наставленіемъ народа, тому доказательствомъ служитъ вся русская исторія. Какія трудности перенесъ русскій народъ! Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ съ французами, онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностью своею послѣ объявленія ему Положеній 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ.“

Это свидѣтельство мудраго іерарха тѣмъ знаменательнѣе, что его никто не заподозритъ въ излишней снисходительности къ низшимъ членамъ духовнаго сословія: напротивъ, память о немъ, какъ о чрезвычайно строгомъ и взыскательномъ церковномъ администраторѣ, живетъ доселѣ; зная близко нравы и недостатки сельскаго духовенства, онъ весьма часто являлся неумолимымъ судьей и безпощаднымъ карателемъ недостойныхъ представителей этого сословія, которые своимъ предосудительнымъ поведеніемъ производили соблазнъ

въ пасомыхъ и унижали святость своего служенія, такъ что многимъ казалось, будто онъ выше мѣры взыскателенъ къ своимъ подчиненнымъ священно-и-церковно-служителямъ. На самомъ же дѣлѣ, негодуя на неприглядныя частности и случайныя нарушенія долга, изъ-за этихъ частностей и случайностей, какъ изъ-за мелкихъ цифръ, онъ не забывалъ общихъ итоговъ; каковы же въ его представленіи были эти итоги, вышеприведенная цитата достаточно ясно показываетъ.

И въ этомъ отношеніи мудрый святитель близко сходился въ своихъ взглядахъ со взглядами всего русскаго народа.

Тотъ глубоко ошибется, кто, на основаніи нѣсколькихъ поговорокъ, насмѣшливо отзывающихся о духовенствѣ, вообразитъ, что народъ его не уважаетъ и не любитъ, а презираетъ.

Напротивъ, простолюдинъ именно и любитъ въ своемъ пастырѣ эту близость къ себѣ, это соціальное почти равенство съ собою, и эти мозоли отъ трудовъ, эту матеріальную бѣдность, эти убогія, поношенныя рясы уважаетъ, и быть можетъ ради нихъ искренно и прощаетъ тѣ уклоненія съ пути долга, какія иногда встрѣчаются среди сельскаго духовенства. Ему искони присуще крѣпкое убѣжденіе, въ силу котораго онъ строго отличаетъ рясу отъ ризы, внутреннее достоинство служенія отъ личныхъ свойствъ служителя, непререкаемую святость Таинствъ и обрядовъ отъ слабостей ихъ совершителя. Этимъ и объясняется, что тотъ же священникъ, который въ храмѣ сподобляетъ своего духовнаго сына Божественныхъ Таинъ, въ частной жизни можетъ снизойти даже до такихъ съ нимъ отношеній, кои способны уронить достоинство

его сана, но ни мало не роняютъ въ глазахъ паствы достоинства его служенія, ибо нашему народу, къ его счастію, присуще высоко-гуманное, хотя, быть можетъ, и не ясно сознаваемое воззрѣніе, которое можно выразить такъ: „всѣ мы люди, всѣ одинаково подвержены слабостямъ, недостаткамъ, порокамъ; надъ всѣми нами одинаково и милость, и гнѣвъ Божіи; всѣмъ намъ отверсты врата покаянія и исправленія, но никто никому не судья.“

И что эти взаимныя отношенія между народомъ и духовенствомъ, выработанныя мудростью перваго и смиреніемъ послѣдняго, вполнѣ искренни, что народъ никогда не переставалъ видѣть въ духовенствѣ своего учителя, а слѣдовательно нравственно довѣрять ему, лучшимъ тому доказательствомъ служитъ фактъ, нынѣ совершающійся: необычайные успѣхи церковно-приходскихъ школъ, учреждаемыхъ сельскимъ духовенствомъ.

Чтобъ на ряду съ казенными, земскими и частными школами онѣ не только могли существовать, но и первенствовать, — для этого необходимо особое довѣріе къ наставникамъ, крѣпкое убѣжденіе въ ихъ нравственной правоспособности.

Тѣ же отношенія между духовенствомъ и паствою, хотя и въ видоизмѣненныхъ формахъ, и съ прогрессивно уменьшающеюся степенью близости, но съ тою же взаимностью расположенія и нравственнаго довѣрія, наблюдаются и среди городскихъ, а равно и столичныхъ населеній.

Было бы, однако, несогласнымъ съ справедливостью умолчать объ одномъ явленіи, которое издавна омрачало и продолжаетъ омрачать добрыя отношенія между духовенствомъ и паствою въ городахъ и столицахъ, а отчасти и въ селеніяхъ: это—лицепріятіе духовенства

къ наиболѣе зажиточнымъ прихожанамъ, и нравственный гнётъ послѣднихъ, изрѣдка достигающій даже грубо деспотическихъ пріемовъ, надъ приходскимъ духовенствомъ *).

---

*) Сказывается это прискорбное явленіе въ массѣ мелочныхъ нарушеній церковнаго благочинія и даже устава со стороны духовенства, со стороны богатыхъ прихожанъ—въ массѣ нелѣпыхъ претензій, въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, удовлетворяемыхъ.

Такъ напримѣръ, и церковный уставъ, и требованія церковнаго благочинія возбраняютъ мірянамъ и даже причетникамъ, непосвященнымъ въ стихарь, входить въ алтарь: во многихъ храмахъ правило это какъ бы вовсе забывается, и алтарь становится иногда какъ бы обычнымъ мѣстомъ для *знатнѣйшихъ*, или, что тоже, *богатѣйшихъ* прихожанъ.

Послѣ такъ называемаго благословенія хлѣбовъ за праздничною всенощной церковный уставъ требуетъ, чтобы эти благословенные пять хлѣбовъ были раздроблены на мелкія частицы и предложены всѣмъ безъ исключенія молящимся, чтобы, согласно словамъ молитвы, Господь всѣхъ вѣрныхъ, вкушающихъ отъ нихъ, *освятилъ*. Во всѣхъ монастыряхъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ такъ это и совершается. Но во множествѣ приходовъ заведенъ порядокъ, въ силу коего вѣрнымъ вкушать ничего не приходится, и слѣдовательно Божественнаго чрезъ то освященія они лишаются въ угоду нѣсколькимъ приходскимъ толстосумамъ со старостою во главѣ, которымъ, въ числѣ пяти человѣкъ, хлѣбы сіи (благословенные для всѣхъ въ память чудеснаго насыщенія такимъ же ихъ числомъ пяти тысячъ человѣкъ) и преподносятся отъ причта въ знакъ особаго почтенія. Тоже самое и съ просфорами, на которыхъ совершается литургія.

Во множествѣ церквей учреждено *мѣстничество*, т.-е. наиболѣе удобные, покойные, защищенные отъ толкотни и тѣсноты уголки храма безмолвно и безмездно признаются какъ бы состоящими въ арендѣ у болѣе знатныхъ прихожанъ: горе тому несчастливцу, который, вошедши въ храмъ раньше, займетъ такое арендованное мѣсто, обыкновенно покрытое коврикомъ для комфорта какой-нибудь купчихи — разъ она изволитъ пожаловать и увидитъ

Есть въ церковно-приходской жизни и еще прискорбное явленіе, именно - практическая постановка

свое мѣсто занятымъ, она *прикажетъ* церковному сторожу возстановить ея попранное *право*, и тотъ безъ церемоніи *попроситъ* богомольца, хотя бы въ моментъ жаркой молитвы, уйти оттуда, или, по-просту, прогонитъ его съ избраннаго имъ мѣста на глазахъ сотенъ зрителей. Весьма возможно, что прогнанный и новое мѣсто выберетъ столь же неудачно, и не успѣвъ смирить естественное чувство негодованія, вызванное однимъ оскорбленіемъ, подвергнется другому.

Во многихъ церквахъ практикуется и такой сортъ угодливости богатству: тогда какъ для *толпы* богомольцевъ, на случай усталости, по стѣнамъ храма имѣются скамьи, и по большей части неудобныя, для немногихъ избранниковъ, на тотъ же случай, предлагаются стулья, и нерѣдко приходится видѣть съ непонятнымъ изумленіемъ, среди плотной массы благоговѣйно стоящаго простонародья, чуть не по срединѣ храма, плетеный стулъ съ возсѣдающею на немъ богато наряженной дамой.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ даже самый распорядокъ богослуженій сообразуется не съ церковнымъ уставомъ, а съ желаніями и привычками знатныхъ, т.-е. богатыхъ прихожанъ: если уставъ требуетъ звонить къ обѣднѣ въ 8 часовъ, но какое-либо его степенство или его супруга только въ 9 часовъ встаютъ, то для нихъ и звонъ откладывается до 10 часовъ, или же, отзвонивши, совершивши святую проскомидію и прочитавъ часы, медлятъ начинать литургію до ихъ пріѣзда въ церковь. Въ отдѣльныхъ случаяхъ иные изъ такихъ прихожанъ осмѣливаются даже заблаговременно сообщать настоятелямъ свои распоряженія о томъ, во сколько часовъ завтра начать обѣдню, вмѣсто скромнаго вопроса о томъ, во сколько она начнется.

Много бы еще страницъ можно было исписать подобными указаніями. Все это, повторяемъ, мелочи и о нихъ бы не стоило и распространяться, еслибъ онѣ не оскорбляли религіознаго чувства, не подрывали уваженія къ храму и его служителямъ, не вкореняли въ народѣ убѣжденія, что предъ толстою мошной преклоняются даже церковные уставы, и не колебали живущаго въ народѣ отраднаго вѣрованія, что храмъ—единственное на землѣ убѣжище полнаго равенства всѣхъ, т.-е. равенства предъ Богомъ.

взаимныхъ отношеній церковнаго старосты къ причту и, въ частности, къ его настоятелю: здѣсь является столь радикальное извращеніе понятій, столь безцеремонное посмѣяніе надъ дѣйствующими законоположеніями, что остается лишь недоумѣвать, какъ все это доселѣ терпится и, повидимому, даже не замѣчается духовнымъ правительствомъ.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что многіе изъ приходскихъ старостъ вѣдаютъ церковныя кассы безъ всякаго дѣйствительнаго надзора и контроля, подавая лишь годичные фиктивные отчеты въ духовныя консисторіи; что нѣкоторымъ изъ настоятелей и на мысль не взойдетъ провѣрить когда-либо состояніе церковнаго ящика; что иной настоятель почелъ бы такую мѣру въ отношеніи къ старостѣ съ своей стороны величайшей дерзостью, а староста для себя величайшимъ оскорбленіемъ, послѣ котораго остается одно— отказаться отъ продолженія службы.

А между тѣмъ *Инструкція* церковнымъ старостамъ обстоятельно предписываетъ самый строжайшій надзоръ и контроль надъ ихъ дѣйствіями настоятеля съ причтомъ и прихожанъ, и требуетъ даже опредѣленной формы этого надзора и контроля.

Пунктъ 8-й этой *Инструкціи* предписываетъ старостѣ деньги, выручаемыя при продажѣ свѣчъ, собираемыя въ кошельки и кружку и получаемыя отъ доброхотныхъ дателей, опускать немедленно въ ящики, для сего устроенные, кои должны быть *за ключами старосты и за печатями священнослужителей*. Пунктъ 9-й предписываетъ старостѣ „по прошествіи каждаго мѣсяца, *въ присутствіи священно-и-церковно-служителей*, высыпать изъ ящиковъ и кружки накопившіяся деньги, и, *по надлежащемъ счетѣ ихъ и повѣркѣ*, записывать въ

данныя ему книги „и всѣ таковыя суммы хранить“ въ кладовой или въ ризницѣ за ключами его *и печатьми* какъ его, такъ и *священнослужителей*. Пунктомъ 10 мъ предписывается „на семъ же самомъ основаніи, т.-е. по прошествіи каждаго мѣсяца, *въ присутствіи* почетнѣйшихъ прихожанъ и *священно-церковно-служителей*, дѣлать свидѣтельство расходовъ, въ сіе время бывшихъ“.

Съ другой стороны, *Инструкціею благочиннымъ* предписывается этимъ должностымъ лицамъ: „надзирать надъ старостами церковными, дабы сборы и расходы въ данныя отъ консисторіи книги записывали, и *никакихъ расходовъ безъ вѣдома священника* и безъ согласія прихожанъ не чинили; сумма свѣчная, кошельковая и вся вообще церкви принадлежащая *въ такомъ* ли порядкѣ хранится, какъ предписано *Инструкціею* церк. стар., т.-е. за замкомъ его, *церковною печатію*, хранящеюся въ церкви въ завѣдываніи священно-и-церковнослужителей, и — *съ вѣдома ли священно-и-церковно служителей производятся мелочные расходы...*“

Повидимому, такими распорядками обезпечивался самый надежный контроль, а между тѣмъ въ лѣтописяхъ нашей церковно-приходской жизни случаевъ подобнаго контроля не особенно много, и это тѣмъ страннѣе, тѣмъ болѣе способно возбуждать недоумѣнія и нареканія и на духовенство, и на духовное правительство, что практика жизни не разъ настоятельно указывала на необходимость измѣненія существущихъ порядковъ въ смыслѣ предписываемомъ *Инструкціей*.

Начать съ того, что личный составъ церковныхъ старостъ отнюдь не гарантируетъ ихъ безкорыстія: въ большинствѣ сельскихъ церквей они выбираются или изъ волостныхъ старшинъ и писарей, мірскихъ старостъ и т. п. люда, или изъ міроѣдовъ разнаго сорта:

4

лавочниковъ, цѣловальниковъ и т. п., т.-е. именно тѣхъ людей, которыхъ честность болѣе чѣмъ сомнительна, и, вѣроятно, не даромъ съ понятіемъ о церковномъ старостѣ соединяется не особенно лестное представленіе объ его безкорыстіи.

Въ городахъ, и уѣздныхъ и губернскихъ, должность эту въ большинствѣ исправляютъ люди того класса, который воспитывается въ пресловутомъ принципѣ: „не обмануть—не продать", и именно такіе люди, которыхъ вся скоробогатая жизнь и соціальное положеніе блистательно подтверждаютъ, что они были и остаются вѣрными рабами этого принципа. Въ столицахъ церковные старосты выбираются преимущественно изъ приходскихъ богачей, но и это обстоятельство оказывается плохимъ обезпеченіемъ церковнаго благосостоянія: въ Москвѣ, напримѣръ, памятны нѣсколько случаевъ, когда старосты-богачи, разстроивши свои коммерческія дѣла, не стѣснились употребить на ихъ поправку и ввѣренныя имъ церковныя суммы, каковыя и пропали за ними безслѣдно.

Чѣмъ объясняется косность духовнаго правительства по вопросу о надзорѣ за церковными старостами — на это трудно отвѣтить, особенно въ виду легкости, съ какою онъ могъ бы быть разрѣшенъ; что же касается духовенства, оно, безъ сомнѣнія, стѣсняется въ данномъ случаѣ тѣмъ зависимымъ положеніемъ, въ какомъ находится по отношенію къ прихожанамъ вообще и богатымъ въ особенности (а къ церковнымъ старостамъ наипаче), отъ ихъ исключительно щедротъ получая матеріальныя средства: не поладить съ приходскими богачами — для причта значитъ добровольно сократить свои доходы, а иногда и навлечь на себя вдобавокъ неблаговоленіе начальства.

И вотъ, благодаря этому обстоятельству, духовенство, скрѣпя сердце, выноситъ порядокъ вещей, завѣдомо противузаконный, разорительный для церкви, нелѣпый по существу, и желательный лишь грубому самолюбію приходскихъ толстосумовъ. Въ свою очередь эта зависимость причтовъ отъ прихода проистекаетъ изъ самаго свойства ихъ взаимныхъ отношеній и изъ характера высокаго служенія, на которое призвано духовенство.

„Туне пріясте, туне дадите", — изрекъ Божественный Устроитель новозавѣтной церкви, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь евангельскую. И странно было бы преемникамъ апостольскимъ впередъ договариваться о цѣнѣ за преподаніе Таинствъ, за религіозныя наставленія, за нравственныя вразумленія и обличенія. Отсюда общее всей православной церкви правило — что ея служители получаютъ все необходимое для жизни отъ добровольныхъ приношеній своей паствы, члены которой отнюдь не по какому-либо принужденію, а единственно по совѣсти и по соображеніямъ нравственнаго долга удѣляютъ каждый извѣстную долю своихъ средствъ на нужды своихъ пастырей.

Наша русская церковь доселѣ во всей неприкосновенности удержала это правило, и ея духовенство, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно состоитъ при храмахъ, лишенныхъ приходовъ, дѣйствительно и доселѣ довольствуется матеріальными средствами въ тѣхъ размѣрахъ, какіе опредѣляются достаткомъ и усердіемъ прихожанъ.

Имѣя за собою важное преимущество точнаго соотвѣтствія и вышеизложенному правилу церкви, и апостольскому указанію на то, что служители алтаря отъ алтаря и питаться должны — этотъ порядокъ вещей

въ практической своей постановкѣ, особенно при условіяхъ современной жизни, представляетъ и значительныя неудобства, и вышеуказанная матеріальная подчиненность духовенства прихожанамъ можетъ назваться едва ли не главнѣйшимъ изъ нихъ.

За послѣднее двадцатилѣтіе, не одинъ разъ, когда возникалъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, заходила рѣчь и о существующемъ способѣ его матеріальнаго вознагражденія, и о средствахъ измѣнить оный къ лучшему, но вопросъ ни разу не былъ ни подробно исчерпанъ, ни доведенъ до рѣшенія, и теперь, какъ всегда, священникъ собираетъ свои доходы посредствомъ тѣхъ же поручныхъ даяній.

Много было говорено и объ унизительности этого способа собиранія доходовъ для самого духовенства, и о стѣснительности его для прихожанъ, и о несоотвѣтствіи его достоинству тѣхъ священныхъ дѣйствій, за которыми непосредственно онъ производится.

Всѣ такія соображенія имѣютъ для себя много основаній и до сихъ поръ сохраняютъ свою силу, но прежній способъ, кромѣ нѣсколькихъ пальятивныхъ мѣръ, предпринимавшихся противъ него разновременно въ различныхъ епархіяхъ, не подвергся доселѣ никакимъ серьезнымъ измѣненіямъ, да и пальятивы эти были встрѣчаемы далеко не сочувственно и духовенствомъ, и прихожанами. И это послѣднее обстоятельство, быть можетъ, и утверждаетъ духовное правительство въ мысли о преждевременности какихъ либо коренныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи.

Что касается размѣровъ содержанія, получаемаго духовенствомъ путемъ этого сбора, то оно едва ли можетъ быть признано безусловно недостаточнымъ.

Огромные доходы петербургскаго столичнаго духо-

венства не подлежатъ спору, хотя и составляютъ исключеніе; московское столичное духовенство получаетъ много меньше петербургскаго, но все же доходы московскаго священника колеблются между 1000 и 3000 руб. въ годъ, а среднею цифрой могутъ быть опредѣляемы не менѣе, какъ въ 1500 рублей. Во многихъ губернскихъ городахъ духовенство живетъ безбѣдно. Средину между губернскимъ и сельскимъ духовенствомъ составляетъ, по своимъ доходамъ, духовенство уѣздныхъ городовъ; доходы же сельскихъ священниковъ простираются приблизительно отъ 100 до 500 руб. въ годъ, средняя же цифра дохода, получаемаго сельскими священниками, можетъ быть опредѣляема суммою въ 300 рублей.

Если прибавить къ этому существующіе въ селахъ сборы въ пользу духовенства натурою, т. е. хлѣбомъ, яйцами и пр. т. п., и собственно доходы духовенства отъ церковной земли, засѣваемой хлѣбомъ, огородовъ, садовъ и т. п. статей, то эта цифра возвысится до 400 и даже 500 р. — т. е. до цифры, которая можетъ считаться достаточною для скромнаго бюджета семьи, живущей въ условіяхъ сельской обстановки, не испытывающей соблазновъ городскаго быта и обезпеченной въ наиболѣе существенныхъ предметахъ потребленія.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что собственно школьное образованіе сыновья священно-и-церковно-служителей получаютъ безвозмездно, а въ случаѣ смерти родителей пріобрѣтаютъ право поступленія и на полное казенное содержаніе; что дочери-невѣсты осиротѣвшихъ священно-церковно-и-служительскихъ семей, по искони установившемуся обычаю, большею частію устраиваютъ свою судьбу посредствомъ замужества съ преемниками ихъ родителей, при чемъ обязываются содержать и осталь-

ныхъ членовъ своей семьи, и что ни одно вѣдомство въ ряду административныхъ и государственныхъ учрежденій не относится съ такою заботливостью къ нуждающимся лицамъ его вѣдѣнія, какъ вѣдомства епархіальныя, хотя, къ сожалѣнію, они и не обладаютъ средствами, вполнѣ достаточными для надлежащаго матеріальнаго обезпеченія всѣхъ обращающихся къ ихъ попеченію.

Такимъ образомъ, толки о недостаточности матеріальныхъ средствъ духовенства и его собственныя на то жалобы если и можно признать основательными, то развѣ въ томъ смыслѣ, что при часто встрѣчающейся въ духовенствѣ многосемейности средствъ этихъ едва хватаетъ на удовлетвореніе лишь насущныхъ потребностей, и собственно для сельскаго духовенства становится необходимымъ дополнять скромные размѣры своего содержанія полевыми работами по воздѣлыванію церковной земли *).

И если проводимая въ сельско-хозяйственныхъ трудахъ жизнь лишаетъ священника внѣшняго лоска свѣтской утонченности и онъ своимъ наружнымъ видомъ приходится не подъ стать изящнымъ компаніямъ богатыхъ гостиныхъ — это, во первыхъ, не такое уже роковое неудобство, объ устраненіи котораго стоило бы хлопотать, а во вторыхъ, неудобствомъ этимъ могутъ стѣсняться лишь тѣ, кто привыкъ измѣрять достоинства людей на аршинъ такъ называемыхъ *свѣтскихъ приличій*, чѣмъ и подписываютъ самимъ себѣ нравственный приговоръ.

---

*) Иногда такая необходимость выражается въ очень рѣзкой формѣ: бываютъ случаи, что священно-церковно-служители у наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, своихъ же прихожанъ, *нанимаются* на полевыя работы.

Не менѣе жестокій нравственный приговоръ подписываетъ себѣ и та часть духовенства, которая, въ ущербъ истинному достоинству своего сана и изъ угодливости требованіямъ этихъ условныхъ приличій, измѣняетъ традиціоннымъ благочестивымъ обычаямъ своего званія, стараясь своимъ обращеніемъ и поведеніемъ искусственно приближаться къ мірянамъ, ведущимъ такъ называемый свѣтскій образъ жизни, вмѣсто того, чтобъ назидать ихъ своимъ наставленіемъ и примѣромъ правиламъ жизни болѣе скромной и богобоязненной.

Въ прежнее время упрека этого заслуживало военное духовенство, по условіямъ своей служебной обстановки проводящее большую часть жизни среди офицерскаго общества, какъ извѣстно, чуждаго аскетическихъ привычекъ: уже и это обстоятельство отчасти извиняло его; но и кромѣ того во времена военныхъ дѣйствій наше полковое духовенство являло и являетъ неслыханные примѣры нравственной доблести, неизвѣстные въ духовенствѣ ни одной страны цѣлаго міра, кромѣ русской. Найдите армію, гдѣ бы впереди воинской, устремляющейся въ битву, рати шествовалъ ея пастырь въ священномъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ въ рукѣ, осѣняя воиновъ на брань за вѣру, царя и отечество, вселяя отвагу въ робкія сердца, укрѣпляя ослабѣвающее мужество, ободряя героевъ на дальнѣйшіе подвиги! А между тѣмъ наша военная исторія изобилуетъ такими примѣрами, и лѣтописи нашего военнаго духовенства испещрены преданіями о его геройствѣ и самоотверженіи на поляхъ брани, во главѣ своей духовной паствы. Одно это самоотверженіе,—и на вѣсахъ человѣческаго разума, и предъ судомъ христіанской совѣсти, могло бы

покрыть собою не мало нравственныхъ недостатковъ, омрачающихъ обыденную жизнь этой группы нашего духовенства.

Къ сожалѣнію, практикуемый военнымъ духовенствомъ способъ сближенія съ свѣтскимъ обществомъ за послѣднее время замѣчается и въ иныхъ группахъ духовнаго сословія, не представляя пока съ ихъ стороны никакихъ ни извиняющихъ подобное направленіе обстоятельствъ, ни особыхъ личныхъ подвиговъ пастырскаго служенія, коими бы хотя отчасти ослаблялось грустное впечатлѣніе, производимое этимъ направленіемъ на паству.

Что касается такъ называемаго чернаго духовенства, оно, вообще не представляя поводовъ къ обвиненію его въ подобномъ направленіи, продолжаетъ по прежнему оставаться небезупречнымъ въ частностяхъ своей внутренней жизни—частностяхъ, на которыя жаловались во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и которыя констатировалъ еще Стоглавый соборъ. Въ верхнихъ слояхъ своихъ пополняясь учеными монахами высшаго богословскаго образованія, будущими іерархами православной церкви, въ среднихъ и низшихъ слояхъ оно по прежнему вербуетъ свой контингентъ изъ среднихъ и низшихъ классовъ народа, не всегда держась правила относительно строгаго выбора между лицами, домогающимися монашества, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его составѣ наряду съ истинными постниками-подвижниками встрѣчаются или просто карьеристы, или отбросы населенія, прикрывающіе монашескою рясой лѣность и пороки.

Но все это не настолько сильно, чтобъ дискредитировать въ умахъ православнаго населенія возвышенную идею иночества, высоко поставленную древними подвижни-

ками русскаго монашества, и народъ по прежнему вѣруетъ, что монастырскіе пріюты—жилища святости и Божественной благодати.

VII.

Состояніе Русской Церкви за послѣдніе два вѣка.

Въ исторіи Русской Церкви, равно какъ и въ исторіи Русскаго народа, на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій совершилось событіе великой важности: юная династія Романовыхъ, едва окрѣпшая на тронѣ, дала Россіи Петра.

Безпредѣльная широта умственнаго взора; ненасытная алчность къ новизнамъ и улучшеніямъ внѣшняго быта, естественно выражавшаяся и обратною стороною—неуваженіемъ и презрѣніемъ къ преданію и старинному обычаю; желѣзная сила воли и непреклонная твердость въ ея осуществленіи, и при этомъ могучая вѣра въ себя и свое призваніе—таковы государственныя качества, которыя неизмѣнно отличали великаго русскаго реформатора во все продолженіе его царственнаго поприща.

Воспитанный въ преданіяхъ неограниченнаго самодержавія, отъ природы одаренный духомъ деспотическаго самовластія, Петръ съ юныхъ лѣтъ до могилы не выносилъ ни противленія своимъ политическимъ и государственнымъ планамъ, ни пассивнаго къ нимъ равно-

душія, ни какихъ либо компромиссовъ съ противорѣчившими его взглядамъ преданіями и направленіями тогдашней русской жизни: всякое препятствіе, встрѣчавшееся на его пути въ погонѣ за европейскимъ просвѣщеніемъ онъ или съ негодованіемъ отбрасывалъ въ сторону, или топталъ ногами, или сокрушалъ своею мощною державною рукой.

Не встрѣчали пощады ни раскольничья борода, ни священническая риза; ни церковный колоколъ, ни религіозные обряды православія—когда они являлись для него, или казались ему, препятствіями въ дѣлѣ, которое онъ поставилъ цѣлію своей жизни.

Частію обаяніе царской власти, частію прозорливость собственнаго генія, создали ему тѣсный кружокъ единомышленниковъ и преданныхъ слугъ, подъ охраною которыхъ онъ не страшился ни козней самолюбивой сестры-царевны, ни буйства стрѣльцовъ, ни непріязни извѣстной части бояръ, остававшихся друзьями старины, ни вражды супруги и роднаго сына; при дружномъ содѣйствіи этихъ преданныхъ слугъ, въ значительной части иноземцевъ и иновѣрцевъ, онъ съ гигантскимъ успѣхомъ сдиралъ съ государственнаго тѣла Святой Руси ту консервативную кору, подъ которою она заключилась въ силу историческихъ условій своего политическаго роста и прозябала сотни лѣтъ, съ трудомъ поддаваясь слабому, и то изрѣдка, воздѣйствію внѣшнихъ вліяній. На пути къ осуществленію этой задачи, убѣдившись въ крайнемъ консерватизмѣ духовенства, выражавшемся въ несочувствіи къ его реформамъ, Великій Петръ хотя и не возставалъ противъ него открыто, но всячески постарался отодвинуть его на задній планъ и обезсилить прежнее его могучее вліяніе на жизнь и нравы народа.

Такъ, неоднократными позорными казнями священниковъ на-ряду съ мятежными стрѣльцами онъ значительно поколебалъ въ народѣ благоговѣніе къ пастырскому сану; лишеніемъ монашествующихъ права пользованія перомъ и чернилами*) онъ превратилъ многія монастырскія убѣжища какъ бы въ гнѣзда принужденной праздности и невѣжества; наконецъ, для того, чтобы облегчить себѣ достиженіе государственныхъ цѣлей единодержавія, онъ не остановился и предъ реформою высшаго церковнаго управленія, уничтоживъ единоличную патріаршескую власть и замѣнивъ ее коллегіальною, учрежденіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Чуждая гордыни и исполненная смиренія православная русская іерархія, отнюдь не возставая ни явно, ни тайно противъ новаго направленія внутренней политики государства, скромно устранилась отъ участія въ государственномъ управленіи.

*) Регламентъ духовный. С.-Петербургъ, 1721 г. февр. 14. Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго (Листъ 37, пунктъ 36). „Монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ никому не писать, и грамотокъ кромѣ позволенія настоятеля не принимать, и по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ чернилъ и бумаги не держать, кромѣ тѣхъ, которымъ собственно отъ настоятеля для общей духовной пользы позволится: и того надъ монахи прилежно надзирать, понеже ничто такъ монашескаго безмолвія не разоряетъ, какъ суетные ихъ и тщетные писма. А ежели которому брату случится настоящая писма потреба, и тому писать въ трапезѣ изъ общей чернильницы, и на бумагѣ общей, за собственнымъ настоятеля своего позволеніемъ, а самовольно того не дерзать подъ жестокимъ наказаніемъ“.

Преемники Петра не измѣняли по отношенію къ церкви его политики, а рабски слѣдовали ей, и представители церкви, пользуясь внѣшнимъ почетомъ, присвоеннымъ ихъ сану, лишены были почти всякаго участія въ государственной жизни. Великая Екатерина, при всей широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ, склонная сообразовать свои дѣйствія съ либеральными теоріями тогдашнихъ своихъ друзей, французскихъ энциклопедистовъ, не только не озаботилась возвратить церкви и ея служителямъ прежняго ихъ значенія, но и ознаменовала свое царствованіе либеральною, по тогдашнимъ понятіямъ, мѣрой—отнятіемъ у монастырей недвижимой поземельной собственности съ поселенными на ней крѣпостными.

Не вдаваясь въ подробности, скажемъ лишь, что эта экономическая мѣра принесла горькіе плоды: разоривъ матеріально монастыри, она не облегчила и ихъ крѣпостныхъ, ибо послѣдніе, благоденствовавшіе въ монастырской зависимости, были въ значительномъ количествѣ раздарены тогдашнимъ временщикамъ и въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ доведены до крайней степени разоренія...

Образованная часть русскаго общества, въ теченіе почти двухъ столѣтій воспитывавшаяся подъ иноземнымъ, преимущественно французскимъ, вліяніемъ, съ своей стороны не могла относиться ни къ церкви, ни къ духовенству иначе, какъ съ пренебреженіемъ, которое въ тѣхъ или другихъ формахъ проявлялось и едва ли не проявляется еще и теперь.

По крайней мѣрѣ, либеральныя реформы прошлаго царствованія не уберреглись отъ этого растлѣвающаго русскую жизнь направленія, и на ряду съ ними либеральные реформаторы ревниво озаботились тѣмъ, чтобъ

по возможности устранить православную церковь и ея служителей отъ всякаго участія въ воспитаніи и обученіи народа, отнявъ у церкви одно изъ священнѣйшихъ ея правъ и у духовенства одну изъ первѣйшихъ его обязанностей, и передавъ и то, и другое въ руки земскихъ выборныхъ управленій, ни мало не приготовленныхъ къ высокой миссіи народнаго назиданія и учительства.

Чѣмъ бы кончилось это земское учительство народа, не трудно угадать. Къ счастью для Россіи, правительство, подъ впечатлѣніемъ печальныхъ событій послѣдней четверти вѣка, достаточно убѣдилось, что одни либеральныя направленія не способны ни къ чему созидательному и что камнемъ, на которомъ зиждутся народное счастіе и государственная сила, остается тоже православіе, которое нѣкогда и укрѣпило Москву, и создало русское могущество.

Православная церковь въ совѣтахъ государственныхъ начинаетъ пріобрѣтать подобающее ей мѣсто, духовенству не только возвращается свобода народнаго обученія, но оно даже нарочито приглашается къ особо-ревностнымъ трудамъ на этомъ поприщѣ, и вразумленія приснопамятнаго митрополита Филарета о церкви и духовенствѣ, какъ естественныхъ учителяхъ народа, звучавшія четверть вѣка назадъ пассивнымъ протестомъ, получаютъ дѣйственное и рѣшающее значеніе: покровительство церковно-приходскимъ школамъ становится одною изъ главнѣйшихъ заботъ правительства, и есть основаніе надѣяться, что оно не ограничится однимъ этимъ актомъ довѣрія къ церкви и ея служителямъ, но продолжитъ развитіе своей внутренней политики въ томъ же мудромъ направленіи. А при соблюденіи этого условія, несомнѣнно, и голосъ цер-

кви, и ея вліяніе на судьбу народа и государства постепенно пріобрѣтутъ значеніе и силу, какими они располагали въ до-Петровской Руси, хотя, безъ сомнѣнія, въ иной формѣ, соотвѣтственной условіямъ современной жизни.

И это будетъ достойною поправкой въ той исторической ошибкѣ, которая совершена была Петромъ и результаты которой отозвались столь неблагопріятно на внутреннемъ развитіи Россіи и на ея общественной жизни за послѣдніе два вѣка.

Никто не станетъ отрицать, что со временъ Великаго Преобразователя исторія Русской церковной іерархіи имѣла весьма немного блестящихъ страницъ: большинство іерарховъ рѣдко возвышалось надъ общимъ уровнемъ посредственности. Бывали, правда, за это время выдающіеся церковные администраторы, въ теченіе своей жизни не безъ пользы трудившіеся для духовной паствы, но угнетенное нравственное настроеніе Церкви не могло не отражаться и на нихъ, ограничивая ихъ умственный кругозоръ частными и временными задачами пастырскаго вѣдѣнія, и не возвышая ихъ личнаго духа до служенія общимъ и вѣчнымъ цѣлямъ Вселенской Истины. Даже великіе свѣтильники благочестія, прославленные Богомъ въ чудесномъ нетлѣніи ихъ мощей, святители Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій и Тихонъ Задонскій, знамениты въ исторіи Русской Церкви не столько силою своего личнаго вліянія на современную имъ церковную и государственную жизнь Россіи, сколько своими учено-богословскими или проповѣдническими трудами и святостію своей жизни.

Лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи Русская Церковь воздвигла на служеніе себѣ іерарха, соединившаго въ своей высокой личности съ безупречною святостію

жизни необычайныя проповѣдническія дарованія, съ искреннею покорностью православному вѣроученію возвышенный полетъ философской мысли, съ замѣчательными церковно-административными способностями истинно государственный умъ, съ дипломатическою тонкостью обращенія непоколебимую твердость православныхъ убѣжденій.

Разумѣемъ приснопамятнаго митрополита московскаго Филарета, болѣе полувѣка служившаго и оплотомъ православія, и свѣтильникомъ вѣры и благочестія, и лучшимъ украшеніемъ не одной Московской, и даже не одной Всероссійской, а всей Православно-Каѳолической Церкви. Вліяніе этого великаго іерарха, ощутительное и для современниковъ по его благопотребности и благотворности, съ кончиною его не только не утратилось и не умалилось, но, напротивъ, увеличилось и продолжаетъ усиливаться съ каждымъ годомъ, отдаляющимъ насъ отъ той эпохи, которая была украшена его іерархическою многотрудною дѣятельностью. И какъ въ то время, сонмъ епископовъ русской, а не рѣдко съ нею вмѣстѣ и славянской, и греческой Церкви, обсуждая тотъ или другой вопросъ изъ области церковно-административнаго или православно-догматическаго вѣдѣнія, жаждали услышать вѣское слово смиреннаго старца, которое часто шло наперекоръ ранѣе предположенному рѣшенію и въ такихъ случаяхъ почти всегда ниспровергало его,—такъ и нынѣ, черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, къ его мнѣніямъ и вразумленіямъ обращаются въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ какія-либо недоумѣнія относительно ли дѣлъ спеціально церковнаго управленія, въ разсужденіи ли нуждъ общегосударственныхъ; обращаются не одни члены церковной іерархіи, но и

административные сановники, и государственные люди. И всѣ они изъ глубокаго кладезя его мудрости черпаютъ живую воду назиданія и поученія по всевозможнымъ вопросамъ всенародныхъ, общественныхъ и государственныхъ нуждъ.

Въ теченіе своего долговременнаго служенія православной церкви и русскому народу митрополитъ Филаретъ и самъ не искалъ популярности, да, повидимому, и не пользовался ею; онъ довольствовался тѣмъ, что, какъ пастырь добрый, высказывался по тѣмъ или другимъ вопросамъ, когда того требовали обстоятельства или въ томъ настояла необходимость, строго сообразно съ своими убѣжденіями, которыя всегда представляли стройное сочетаніе христіанской философіи съ практическою мудростью и здравымъ смысломъ. Не его, конечно, вина, что общество 50-хъ и 60-хъ годовъ, одержимое либеральными вожделѣніями самыхъ безграничныхъ размѣровъ, недостаточно внимало его мудрости, видя въ ней ворчливое недовольство отсталаго ума, пережившаго свое время; но тѣмъ болѣе оно виновно въ такомъ легкомысленномъ отношеніи къ его внушеніямъ и предостереженіямъ, что они вскорѣ начали подтверждаться въ своей вѣрности и основательности событіями, сначала прискорбными, а потомъ и грозными, и позорными, и въ этомъ смыслѣ великаго значенія исполнена слѣдующая историческая справка. Глубоко-ученый богословъ, митроп. Филаретъ вмѣстѣ съ этимъ качествомъ соединялъ въ своей душѣ искреннюю, теплую вѣру въ дѣйствительную силу молитвы церковной. Возскорбѣвъ духомъ при видѣ печальныхъ явленій умственной и нравственной жизни общества, онъ счелъ своимъ долгомъ ввести въ чинъ богослуженія особую молитву о избавленіи своей

паствы отъ усмотрѣннаго имъ зла, предписавъ духовенству своей епархіи возносить ее на каждой литургіи. Распоряженіе это произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ гражданской администраціи, а въ тогдашней, почти сплошь либеральной, литературѣ вызвало озлобленіе и почти открытую брань на митрополита, при чемъ его обзывали прямо выжившимъ изъ ума ретроградомъ. Но что же потомъ оказалось? 1862-й годъ, годъ учрежденія этой всенародной молитвы, былъ послѣднимъ годомъ и политическаго, и административнаго, и общественнаго спокойствія для прошлаго царствованія: 1863-й годъ омрачился польскимъ мятежемъ, 1864-й неожиданною кончиной наслѣдника престола, 1866-й первымъ покушеніемъ на жизнь Царя-Освободителя, 1867-й парижскимъ покушеніемъ на его же жизнь, и затѣмъ послѣдующіе 13 лѣтъ ознаменовались постепеннымъ развитіемъ и успѣхами внутренней крамолы, увѣнчавшей, наконецъ, свои позорные подвиги цареубійствомъ...

Внимательное изученіе разнообразныхъ твореній митрополита Филарета, какъ-то: проповѣдей, писемъ, разсужденій и многоразличныхъ по всевозможнымъ вопросамъ соображеній, на подобіе бисера разсыпанныхъ въ произведеніяхъ этого поистинѣ незабвеннаго учителя церкви, приводитъ къ заключенію, что: 1) помимо проповѣдническихъ заслугъ предъ паствою Московской и церковно-учительныхъ предъ паствою Всероссійской, приснопамятный святитель ознаменовалъ свое служеніе Русскому народу и немалыми государственными заслугами, въ мѣру своей возможности потрудившись надъ разъясненіемъ и важнѣйшихъ политическихъ и государственныхъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для судебъ Русскаго царства; 2) и въ этого

рода соображеніяхъ оставаясь на высотѣ христіанскаго нравственнаго ученія, и строго логическимъ умомъ своимъ остерегаемый противъ малѣйшихъ отъ него уклоненій въ ту или другую сторону, онъ преподалъ немало наставленій первѣйшей политической и государственной важности, указаній и предостереженій, которыя, бывъ своевременно приняты во вниманіе, спасли бы наше отечество отъ массы злоключеній, впослѣдствіи надъ нимъ разразившихся, а не принятыя къ свѣдѣнію, оказались вдохновенно пророческими предсказаніями христіански-просвѣщеннаго прозорливца; 3) въ частности, недавно оплаканный всею Россіей знаменитый патріотъ, по ближайшемъ сличеніи принциповъ, которые онъ столь блистательно, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, популяризовалъ въ своихъ публицистическихъ трудахъ, оказывается не болѣе, какъ послѣдователемъ митрополита Филарета и ученикомъ его по всѣмъ почти вопросамъ политическаго, государственнаго и общественнаго интереса. По точнѣйшимъ справкамъ открывается, что большую часть страстныхъ іеремiадъ и филиппикъ, прославившихъ М. Н. Каткова, нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ и развитіемъ основныхъ ученій, оглашавшихся митрополитомъ Филаретомъ съ церковной каѳедры во все время его епископскаго служенія: таковы воззрѣнія на *государство*, на значеніе, происхожденіе и достоинство *царской власти*, на принципъ *самодержавія*, на *конституціонныя* формы *правленія*, на *избирательное* начало въ государственномъ управленіи, на истинный характеръ народнаго *просвѣщенія* и пр. т. п.

Поэтому, пріобрѣтаетъ особенное значеніе извѣстный эпизодъ изъ публицистической дѣятельности покойнаго патріота, послужившій поводомъ къ умственному и нрав-

ственному сближенію его съ маститымъ учителемъ Русской Церкви въ послѣднія нѣсколько лѣтъ жизни и дѣятельности знаменитаго іерарха. Не смотря на кажущееся равнодушіе къ общественной жизни, митрополитъ Филаретъ зорко наблюдалъ за всѣми сколько-нибудь серьезными ея проявленіями, и, конечно, не упустилъ изъ вниманія дѣятельности вновь явившагося въ Москвѣ публициста. Чтобы заявить ему свое сочувствіе и поощреніе, онъ воспользовался днемъ 8 ноября, пославъ ему въ даръ икону Архистратига Михаила вмѣстѣ съ своимъ поздравленіемъ. Обрадованный и умиленный этимъ рѣдкимъ знакомъ вниманія, М. Н. Катковъ не замедлилъ лично принести благодарность маститому архипастырю, и съ той поры нерѣдко посѣщалъ его, чтобы просвѣтить свой, насыщенный свѣтскою мудростью, умъ поучительною бесѣдой съ мощнымъ проповѣдникомъ православной мудрости и христіанской святости.

Что бесѣды эти были не безплодны, то засвидѣтельствовалъ самъ М. Н. въ своихъ прочувствованныхъ статьяхъ по поводу кончины своего учителя; а что онѣ были плодотворны въ высшей степени, то доказала вся послѣдующая дѣятельность Каткова: принявшись за публицистическое перо на половину англоманомъ, поклонникомъ и проповѣдникомъ конституціонализма, немного времени спустя онъ явился искреннимъ, горячимъ защитникомъ тѣхъ формъ государственной жизни, которыя выработаны русскою исторіей и на которыя, какъ на святыню, указывалъ Филаретъ еще въ то время, когда онъ, Катковъ, быть можетъ, только обучался грамотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало болѣе замѣтно и участіе, и сочувствіе Каткова къ православной церкви, ея жизни и интересамъ.

Все это естественно объясняется тѣмъ, что его развившійся на европейской наукѣ и западныхъ воззрѣніяхъ умъ окончательно *дозрѣвалъ* подъ благотворнымъ вліяніемъ ума, воспитаннаго въ строго православныхъ понятіяхъ и просвѣщеннаго истинно-христіанскою мудростью и самою обширною богословскою ученостью. Такимъ образомъ, можно признать безспорнымъ фактъ, что вліяніе митрополита Филарета не только не ограничилось сравнительно тѣсными предѣлами духовнаго вѣдомства и церковной администраціи, а напротивъ, что оно сказалось ощутительно и во всей нашей государственной и общественной жизни, гдѣ вліяніе Каткова постепенно возрастало и, наконецъ, достигло небывалой нигдѣ и никогда силы и значенія, ибо, ничуть не умаляя заслугъ самого Каткова, нельзя опровергнуть и того, что онъ по крайней мѣрѣ около двадцати лѣтъ своей публицистической карьеры былъ ученикомъ митрополита Филарета и популяризаторомъ его воззрѣній.

VIII.

PIA DESIDERIA.

При всей разносторонности своихъ талантовъ, митрополитъ Филаретъ, однако, по природѣ не былъ ни иниціаторомъ, ни организаторомъ: въ крайней степени консервативный умъ его былъ всегда противъ новизны, и склонялся въ ея пользу лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, по строгомъ соображеніи всѣхъ доводовъ

и *pro* и *contra*, ея допущеніе оказывалось неотложною необходимостью, а промедленіе *statu quo* грозило важными неудобствами и опасностями.

Философски убѣжденный въ невозможности полнаго совершенства для какихъ бы то ни было человѣческихъ учрежденій, чуждый оптимистическихъ мечтаній о возможности полнаго благополучія и счастія для человѣческихъ обществъ, глубоко вѣрившій въ возможность лишь индивидуальнаго нравственнаго совершенствованія, и всею своею жизнію являвшій примѣръ таковаго, великій святитель былъ безпощаднымъ врагомъ утопистовъ, ловившихъ общее сочувствіе на удочку всевозможныхъ измѣненій, нововведеній и улучшеній, всегда рекомендуемыхъ ими во имя прогресса, но далеко не всегда къ нему приводящихъ, а нерѣдко лишь ухудшающихъ *statu quo*. Тѣмъ естественнѣе было въ немъ нерасположеніе ко всякаго рода прогрессивнымъ новшествамъ, коль скоро они касались родной ему области церковнаго управленія и когда ими покушались *облагодѣтельствовать* великое учрежденіе, коего онъ былъ смиреннымъ слугою и наиблестящимъ представителемъ.

Орлинымъ взоромъ проникая всѣ нестроенія и невзгоды, какія испытывала Церковь на необъятномъ пространствѣ Русскаго Царства, смиренный инокъ, въ теченіе многихъ десятилѣтій добровольно заключившій себя въ скромномъ уголкѣ первопрестольной столицы, скорбѣлъ духомъ объ этихъ нестроеніяхъ и невзгодахъ, заботился объ устраненіи ихъ, на сколько позволяли тѣсныя рамки епархіальнаго управленія и необширныя прерогативы епископской власти, но общихъ радикальныхъ противъ нихъ мѣропріятій тщательно избѣгалъ, опасаясь великой отвѣтственности за то предъ Богомъ, Церковью и своею совѣстью въ случаѣ ихъ неудачи. Та-

кимъ образомъ, масса вопросовъ, касавшихся различныхъ сторонъ церковной жизни, и въ то время уже ясно намѣченныхъ обстоятельствами, оставалась частію безъ разсмотрѣнія, частію безъ разрѣшенія, а тѣ мѣропріятія, которыя предпринимались вопреки его указаніямъ, или оказывались неудобопримѣнимыми на практикѣ, или приводили не къ тѣмъ результатамъ, какіе были желательны. И не смотря на то, что послѣ кончины святителя протекла почти четверть столѣтія, большая часть этихъ вопросовъ доселѣ стоятъ на очереди или нерѣшенными, или рѣшенными неудачно, или даже неразработанными.

Не вполнѣ соотвѣтственная идеѣ монашества жизнь членовъ чернаго духовенства, значительно ослабляющая народное уваженіе къ монастырямъ. какъ религіознымъ учрежденіямъ; косность бѣлаго духовенства по отношенію къ многоразличнымъ сторонамъ пастырской дѣятельности, служеніе коимъ указывается существующими распорядками церковно-приходской жизни, отсутствіе инициативы и энергіи въ общемъ теченіи его пастырскаго служенія; неправильность взаимныхъ отношеній бѣлаго духовенства къ прихожанамъ и церковнымъ старостамъ; отношенія церкви и ея пастырей къ расколу; матеріальное положеніе приходскаго духовенства и желательныя въ этомъ отношеніи мѣропріятія; состояніе духовно-учебныхъ заведеній и желательныя улучшенія въ нихъ; отношенія епископской власти къ подчиненному ему духовенству—все это вопросы и насущные, и не со вчерашняго дня ставшіе на очередь, и для страны, въ исторіи которой Церковь занимаетъ столь выдающееся положеніе, представляющіе нарочитую важность. И если русскому народу суждено переступить порогъ XX столѣтія, не разрѣшивъ ихъ надле-

жащимъ образомъ и не сообщивъ имъ новаго желательнаго направленія, то тѣмъ настоятельнѣе является необходимость хотя болѣе или менѣе серьезно приступить къ ихъ разработкѣ.

Современное положеніе нашихъ монастырей не можетъ не вызывать серьезныхъ размышленій: нѣкогда уединенные пріюты созерцательной жизни и аскетическихъ подвиговъ, впослѣдствіи очаги народнаго патріотизма, поборники православія и политическаго могущества Россіи, центры народнаго просвѣщенія и богословской науки, долгое время возбуждавшіе благоговѣйное къ себѣ почтеніе всего русскаго народа отъ царей до простонародья, эти исторически сложившіяся у насъ религіозныя учрежденія съ теченіемъ вѣковъ далеко не сохранили за собою того нравственнаго обаянія на умы, какимъ пользовались въ до-Петровскій періодъ русской жизни. И причиной тому были не одно лишь оскудѣніе древняго благочестія въ народѣ, не одно лишь развитіе религіознаго индифферентизма въ обществѣ: въ значительной степени этому перевороту во взглядахъ на монастырскую жизнь способствовали и нѣкоторые изъ ея представителей, пріобыкшіе не „*достойно ходити званія*“, въ которое, притомъ, не „*звани быша*“, а которое избирали добровольно, безъ малѣйшаго съ чьей либо стороны принужденія. Привыкшаго добропорядочно мыслить мірянина не можетъ не соблазнять зрѣлище людей, давшихъ добровольные обѣты безусловнаго отреченія отъ міра съ его соблазнами и искушеніями, воздержанія и нестяжательности, и, однако, забывшихъ о воздержаніи и нестяжательности... А между тѣмъ этого рода примѣры стали нерѣдкимъ явленіемъ современной монастырской жизни: ни для кого не тайна тысячи и десятки тысячъ состоя-

нія, которыя нерѣдко старцы, обязанные обѣтомъ нестяжательности, накапливаютъ въ продолженіе иноческой жизни, чтобы передать потомъ своимъ мірскимъ приснымъ и родственникамъ, отъ которыхъ они фиктивно отреклись, возлагая на себя добровольное иго подвижничества.

Всѣ эти отрицательныя стороны монашеской жизни нельзя сказать, чтобъ представлялись въ чрезмѣрномъ изобиліи отдѣльныхъ случаевъ: но нравственная дисгармонія ихъ съ суровымъ идеаломъ иночества, присущимъ православному міросозерцанію, возбуждаетъ справедливое негодованіе мірскаго общества, которое естественно отъ этихъ, въ сущности единичныхъ, случаевъ умозаключаетъ ко всему монашеству, и общій взглядъ на него и общія къ нему отношенія свои окрашиваетъ, на этомъ основаніи, въ болѣе или менѣе мрачныя, несочувственныя краски.

Что касается измѣненія монастырскихъ нравовъ къ лучшему, оно, полагаемъ, могло бы совершиться безъ особыхъ затрудненій, еслибъ высшее духовное правительство посвятило этому дѣлу извѣстную долю вниманія, и искренно проникло сь задачею о насажденіи среди нашихъ монастырей истинно иноческой жизни. Монастырскій уставъ великаго подвижника нашей церкви, преп. Іосифа Волоцкаго, много облегчилъ бы ему это дѣло, введеніемъ строгихъ монашескихъ общежитій уничтоживъ и *личную собственность* — главный источникъ соблазновъ, рѣшительно противный духу православнаго иночества, и всѣ аномаліи въ монашескомъ поведеніи, на немъ зиждущіяся и отъ него происходящія. Одна эта мѣра, настойчиво проведенная въ монастырскую жизнь, избавила бы множество обителей, особенно зажиточныхъ, отъ массы паразитовъ, о которыхъ мы

выше говорили, и которые своимъ дурнымъ примѣромъ лишь отвлекаютъ отъ монашества лицъ, сердечно къ нему располагающихся, и бросаютъ тѣнь на все монашество.

Одновременно съ этой мѣрой потребовалась бы и другая: упорядоченіе вопроса объ имуществахъ и доходахъ монастырей, изъ коихъ многіе получаютъ отъ народа во много разъ болѣе того, что требуется для ихъ безбѣднаго существованія сообразно съ монашескими уставами. Исходя изъ того соображенія, что всѣ жертвы, въ изобиліи стекавшіяся и доселѣ текущія въ монастырскія кассы, не могли и не могутъ имѣть въ глазахъ жертвователей значенія иного, какъ приношеній на дѣла богоугодныя вообще и благотворительныя въ особенности, церковное правительство, при строго однообразномъ дѣйствіи во всѣхъ монастыряхъ одного и того же общежительнаго устава, не имѣло бы надобности и входить въ подробности по распоряженію монастырскими капиталами и доходами, лишь обязывая монастыри надлежащею отчетностью и за симъ предоставляя имъ полное право употреблять излишки своихъ средствъ по собственному усмотрѣнію, при одномъ лишь непремѣнномъ условіи богоугодныхъ или благотворительныхъ цѣлей.

При такой постановкѣ дѣла, сравнительно упорядоченный контингентъ монастырской братіи не замедлилъ бы заявить свою дѣятельность и положительными сторонами, употребляя и время, и средства на труды благотворенія, призрѣнія, воспитанія, обученія и т. п. *), между тѣмъ какъ въ настоящее время, по послѣднимъ

*) Правительство могло бы въ этомъ случаѣ оказать нравственную помощь монастырямъ организацiей на мѣстѣ того или другаго

статистическимъ свѣдѣніямъ, эта отрасль благочестивыхъ занятій развита въ стѣнахъ монастырей довольно слабо: изъ 685 монастырей лишь $^1/_4$ часть, именно 170, проявляютъ заботливость о народномъ просвѣщеніи, содержа школы; да и то нельзя полагать, чтобъ школы эти были поставлены болѣе или менѣе удовлетворительно, если принять во вниманіе общее число учащихся въ нихъ: 4000 дѣтей обоего пола, или по 23 чел. среднимъ числомъ на каждую школу—цифра весьма незначительная для какого угодно училища, разъ обученіе въ немъ ведется правильно и обстоятельно. Еще меньшее число монастырей озабочиваются народнымъ здравіемъ: лишь $^1/_7$ ихъ часть, именно 88, снабжены больницами, да и то, повидимому, поставленными далеко неудовлетворительно, если принять въ соображеніе, что всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя имѣли въ теченіе года менѣе $1^1/_2$ тысячъ паціентовъ, среднимъ числомъ по 17 челов. на каждую. Наконецъ, еще меньшую заботливость монастыри оказываютъ о народномъ призрѣніи: лишь $^1/_{12}$ часть ихъ, именно 57, имѣютъ богадѣльни, да и эти немногочисленныя заведенія не могутъ похвалиться своими размѣрами—во всѣхъ 57 монастырскихъ богадѣльняхъ призрѣвается всего 1144 старыхъ, убогихъ и увѣчныхъ или, среднимъ числомъ, по 20 чел. въ каждой.

Само собою разумѣется, что столь скромными вкладами на дѣло общественной благотворительности да-

---

типа благотворительныхъ учрежденій, болѣе приличествующихъ каждому монастырю въ отдѣльности. Разрѣшеніемъ этой частной задачи могла бы заняться особая коммиссія, назначенная духовнымъ правительствомъ изъ членовъ отъ монашества, бѣлаго духовенства, синодальнаго управленія и свѣтскаго общества.

леко не исчерпываются излишки монастырскихъ доходовъ: при реорганизацiи монастырскаго быта по общежительному уставу, они, несомнѣнно, въ изобилiи бы направились преимущественно къ этимъ цѣлямъ благотворительности, а такое новое направленiе монастырской жизни отозвалось бы благодѣтельно на населенiи, и не замедлило бы поднять значительно упавшiй авторитетъ монастырей до такой высокой степени, на какой онъ стоялъ въ древней Руси.

Вопросъ о приходскомъ духовенствѣ, о его отрицательныхъ и положительныхъ сторонахъ, о его современномъ состоянiи и отношенiяхъ къ паствѣ, также настоятельно требуетъ тщательной разработки. Едва-ли кто станетъ отрицать влiянiе бѣлаго духовенства на нравы и жизнь народа, и съ этой точки зрѣнiя духовенство, какъ оно ни малочисленно по сравненiю съ другими сословiями и общественными классами, занимаетъ, и по справедливости должно занимать, видное мѣсто въ государствѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ", вѣщаетъ народная мудрость, и если въ народной жизни замѣчаются тѣ или другiя аномалiи прискорбнаго характера, извѣстная доля нравственной за то отвѣтственности падаетъ въ общественномъ сознанiи, между прочимъ, и на духовныхъ пастырей и наставниковъ народа.

Вопросамъ о духовенствѣ и общество, и печать посвящали немало вниманiя, но нельзя сказать, чтобы оно было особенно благосклонно и благожелательно. Съ половины прошлаго столѣтiя наше такъ называемое образованное общество воспитывалось подъ преимущественными влiянiями иноземныхъ мыслителей, и главнымъ образомъ—французскихъ атеистовъ и утопистовъ; они же и ихъ адепты были и наставниками

юныхъ поколѣній въ большинствѣ зажиточныхъ русскихъ семей, и не мудрено, что русское просвѣщеніе за послѣднія сто лѣтъ отмѣчено крайнею отчужденностью отъ православія, холодностью къ церкви, равнодушіемъ къ религіи и презрительнымъ отношеніемъ къ духовенству.

Да и странно было бы встрѣтить что-либо иное въ воспитанникахъ Дидро, Вольтера, Руссо и прочихъ обаятельныхъ мечтателей XVIII вѣка.

Литература русская не отставала отъ общества, которому служила выраженіемъ, и высокомѣрно-презрительное воззрѣніе на духовенство выражалось въ ней даже на нашей памяти: названіе *семинаристъ* было, въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ, если не ругательнымъ словомъ, то далеко не почетною и лестною кличкой.

Между тѣмъ, знаменитая въ исторіи духовнаго просвѣщенія бурса, излюбленный предметъ насмѣшекъ и общества, и литературы въ теченіе почти цѣлаго вѣка, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, умѣла воспитывать въ своихъ питомцахъ закаленныхъ бойцовъ съ самыми неблагопріятными и суровыми условіями жизни, сообщать имъ одностороннія, правда, не обширныя, но прочныя и вполнѣ законченныя знанія, а иногда выдвигать на поприще общественнаго служенія и такіе умы, какъ Платонъ, Сперанскій и Филаретъ.

Съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка она исчезла безслѣдно, уступивъ мѣсто духовно-учебнымъ заведеніямъ нынѣшняго типа съ духовными академіями во главѣ. Семинаріи новаго образца, отличаясь сравнительно большею мягкостью педагогическихъ нравовъ, въ сущности не измѣнили ея учебныхъ преданій, и если ввели въ свою программу что либо новое, это — преподаваніе на рус-

скомъ языкѣ вмѣсто латинскаго, да сравнительную многопредметность. Послѣдняя, при чрезмѣрной многочисленности учениковъ, выразилась тѣмъ, что массы молодыхъ людей выходили въ жизнь, не успѣвъ обогатиться прочными познаніями, и съ образованіемъ далеко не законченнымъ, въ громадномъ большинствѣ прямо со школьныхъ скамеекъ, въ возрастѣ 18—23 лѣтъ, поступали на учительство народа, разсѣяваясь по селамъ, посадамъ и уѣзднымъ городамъ въ качествѣ приходскихъ священниковъ и діаконовъ.

На этомъ поприщѣ практической жизни, при условіяхъ далеко не обезпеченной житейской обстановки, постояннаго обращенія въ необразованной средѣ простонародья, не возвышавшей своихъ идеаловъ выше куска хлѣба и сколько-нибудь безбѣдной жизни, большая часть этихъ недавнихъ семинаристовъ, правда, мирилась съ своимъ положеніемъ, скоро входила во вкусъ сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ работъ и заботъ объ урожаѣ, нерѣдко за ними забывая объ истинныхъ цѣляхъ пастырскаго служенія—проповѣдническихъ трудахъ и преподаваніи правилъ вѣры и нравственности, и замыкая жизнь въ черезъ-чуръ тѣсномъ кругѣ домашнихъ мелочныхъ интересовъ.

Но если это обстоятельство препятствовало имъ обогащать свой умъ новыми знаніями, способствовало забывать ранѣе пріобрѣтенныя, мѣшало слѣдить за состояніемъ и успѣхами богословской науки, то отнюдь не лишало ихъ возможности назидать паству и простымъ безхитростнымъ словомъ христіанскаго благочестія, и—еще болѣе—живымъ поучительнымъ примѣромъ своей многотрудной, скромной, непритязательной жизни.

Тѣмъ не менѣе, чрезъ нѣсколько десятилѣтій и об-

щество и правительство признали за неоспоримый фактъ несоотвѣтствіе духовенства вообще, и сельскаго преимущественно, тѣмъ высокимъ нравственнымъ требованіямъ, какія связаны съ его саномъ и служеніемъ. Тогда осуществилась новая реформа духовно-учебныхъ заведеній, съ открытіемъ ихъ дверей для всѣхъ сословій, въ видахъ привлеченія къ духовному просвѣщенію свѣжихъ элементовъ изъ другихъ классовъ общества. Реформа эта, къ сожалѣнію, не уничтожила главнаго зла семинарской программы—ея многопредметности и разнохарактерности, въ результатѣ которой пастыри церкви выходятъ въ жизнь изучивши науки и богословскія, и философскія, и историческія, и словесныя, и математическія, но все это, конечно, изучивши поверхностно.

И если бы дѣятельность православнаго пастыря требовала отъ него непремѣнно и безусловно совершенства въ книжномъ ученіи, то русская перковь должна бы была давно уже признать свое положеніе незавиднымъ: къ счастію, для достойнаго и плодотворнаго прохожденія священнической службы не требуется ни чрезъ мѣру обширной спеціально богословской учености, ни энциклопедическихъ знаній по остальнымъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, но искреннее религіозное чувство, дѣятельная вѣра въ святость своего служенія и духовное проникновеніе своими высокими обязанностями. А эти качества даются не одною ученостью или такъ называемою образованностью, но болѣе духовнымъ просвѣщеніемъ на основѣ догматическаго и нравственнаго христіанскаго ученія, и доступны не однимъ ученымъ богословамъ.

Наилучшее тому доказательство—блестящій успѣхъ церковно-приходскихъ школъ, руководимыхъ и созда-

ваемыхъ тѣми самыми сельскими священниками, которыхъ мнимые новѣйшіе интеллигенты не признаютъ ни достаточно образованными, ни достаточно энергичными. Едва протекло нѣсколько лѣтъ съ той поры, какъ впервые раздался исполненный *довѣрія* къ духовенству призывъ его правительствомъ на поприще народнаго учительства, отъ котораго оно было устранено, какъ оно воспрянуло духомъ и теперь служитъ народу 15,000-ми устроенныхъ имъ при церквахъ училищъ. А такъ какъ вся численность бѣлаго духовенства, и со включеніемъ причетниковъ, не превосходитъ 90,000 душъ, то это значитъ, что $^1/_6$ его часть и теперь уже несетъ на себѣ учительскіе труды; если же брать въ соображеніе однихъ священниковъ и діаконовъ, которые преимущественно и подвизаются на этомъ поприщѣ, то это будетъ значить, что цѣлая $^1/_3$ ихъ общаго числа уже и теперь *подвигомъ добрымъ* подвизается, а пройдетъ еще немного лѣтъ, и съ Божіей помощью, сочувствіемъ общества и содѣйствіемъ и поощреніемъ правительства, и весь личный составъ нашихъ священнослужителей выступитъ на это достойное и почтенное поле практической пастырской дѣятельности *). Вотъ по истинѣ поучительный примѣръ того, что значитъ *нравственное довѣріе*, когда имъ облекаются люди, воспитанные въ твердомъ

*) Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ Верховная Власть усиліями одного духовенства разрѣшитъ многотрудный и великій вопросъ, предъ которымъ оказывалось безсильно свѣтское правительство,—вопросъ о всеобщемъ обученіи народа. Но и этимъ далеко не будутъ исчерпаны заботы правительства о его просвѣщеніи: ужасающее нравственное состояніе простонародья, по мѣстнымъ обстоятельствамъ привлеченнаго къ фабричному труду,

сознаніи своего долга и въ живомъ чувствѣ своего призванія! Стоило лишь Верховной Власти обратиться къ нему съ сочувственнымъ словомъ и порадовать его своимъ довѣріемъ, и оно сразу поставило изъ своей среды 15,000 народныхъ учителей, приносящихъ на дѣло учительства не только свои знанія и труды, но, по мѣстамъ, и посильныя матеріальныя жертвы!

И вотъ, между прочимъ, благое указаніе и свѣтскому, и духовному правительству на будущее время: излишествомъ стѣсненій никогда не достигается и не облегчается никакая практическая цѣль, и всегда деморали-

---

заслуживаетъ также сугубаго вниманія и сострадані предержащей власти. Если сочтено нужнымъ правительственное вмѣшательство въ административныя, такъ сказать, стороны фабричной жизни, если обращено вниманіе на экономическія и санитарныя ея условія, то развѣ нравственныя потребности фабричнаго люда заслуживаютъ меньшаго сочувствія? Не смотря, однако, на то, что множество фабрикъ представляютъ собою отдѣльныя поселенія съ сотнями и тысячами жителей, имѣютъ собственныя больницы и школы, доселѣ почти никто и не думалъ собственно о религіозно-нравственныхъ потребностяхъ фабричнаго люда, который всего чаще поставленъ въ невозможность удовлетворять ихъ или за отдаленнымъ расположеніемъ фабрикъ отъ храмовъ Божіихъ, или отъ затрудненій, представляемыхъ размѣрами ихъ при чрезвычайномъ многолюдствѣ фабричныхъ поселеній. Неудобства эти не указываютъ ли и свѣтскому и духовному правительству на необходимость озаботиться и этимъ вопросомъ, узаконивъ для владѣльцевъ фабрикъ обязательное устройство при нихъ и содержаніе какъ отдѣльныхъ храмовъ Божіихъ, такъ и потребнаго при нихъ духовенства соразмѣрно численности того или другаго фабричнаго прихода? Горячо настаиваемъ на этой мысли особенно въ виду поистинѣ ужасающаго пониженія общенародной нравственности въ этихъ рабочихъ общежитіяхъ, также какъ горячо желаемъ, чтобъ этотъ нашъ голосъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустыни.

зуются исполнители, призванные своею дѣятельностью споспѣшествовать ея достиженію.

Искони раздаются жалобы на оскудѣніе въ духовенствѣ церковнаго проповѣдничества: правда, между нашими священниками и дьяконами мало Златоустовъ, Платоновъ, Филаретовъ, которые, какъ извѣстно, родятся вѣками; но ихъ и не требуется. Чтобы сказать паствѣ назиданіе отъ чистаго сердца, не нужно ни особо выдающихся ораторскихъ талантовъ, ни обширной богословской учености: нужно лишь твердое знаніе догматическаго и нравственнаго ученія православной Церкви, да искренность внутренняго убѣжденія; и то и другое есть у многихъ священниковъ.

Ставятъ въ вину нашимъ священникамъ и причтамъ ихъ подобострастныя и лицепріятныя отношенія къ богатымъ прихожанамъ и церковнымъ старостамъ: правда, это явленіе почти повсемѣстно существуетъ. Но духовенство ли въ немъ виновато, это еще вопросъ. Съ одной стороны, требовательность, хотя и вполнѣ законная, къ церковному старостѣ, а слѣдовательно и разладъ съ нимъ и съ избравшими его прихожанами—прямо бьютъ весь причтъ по карману, а съ другой—настойчивость этой требовательности встрѣчаетъ нерасположеніе и въ благочинномъ, и въ консисторіи, и, всего чаще, въ самомъ архіереѣ. Какое же нелицепріятіе устоитъ передъ этимъ рядомъ препятствій, и какая независимость духа, сила воли и твердость характера потребовались бы отъ священника для противоборства имъ, особенно при очевидной заранѣе безплодности этой борьбы?

Короче сказать: обстановка, въ которой вынуждены жить и дѣйствовать наши священнослужители, и составляетъ главную причину того кажущагося равноду-

шія къ цѣлямъ своей дѣятельности, въ которомъ ихъ обвиняютъ.

Эта же обстановка виною и тому, что ни расколъ до сихъ поръ не испытываетъ на себѣ сильнаго воздѣйствія православныхъ пастырей, ни иныя многочисленныя секты отъ скопцовъ и хлыстовъ до штундистовъ включительно: для сколько-нибудь ощутительнаго на нихъ воздѣйствія прежде всего необходима умственная и нравственная борьба. А возможна ли какая бы-то ни было борьба со связанными руками, безъ права свободной инициативы?

Впрочемъ, что касается раскола, полагаемъ, что не со стороны духовенства и потребны какія-либо противъ него мѣропріятія. Противораскольническое миссіонерство, какъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ результатовъ публичныхъ со старообрядцами собесѣдованій, представляетъ задачу едва ли благодарную и притомъ для господствующей церкви не лишенную извѣстной доли униженія, соединеннаго съ ущербомъ ея достоинства. Вся эта полемика православнаго духовенства съ наглостію начетчиковъ, съ тупоуміемъ невѣжества, съ нахальствомъ словеснаго шулерничества — скользитъ лишь по поверхности раскола, отнюдь не проникая въ его сокровенныя нѣдра. Туда же едва ли съумѣетъ проникнуть не то что нашъ скромный пастырь церкви, а даже самый завзятый католическій миссіонеръ. Это по истинѣ не только *темное*, но *мрачное* царство религіознаго фанатизма зиждется исключительно на одномъ традиціонномъ невѣжествѣ, и плодотворными мѣрами противъ раскола были бы только мѣры противъ этого раскольничьяго невѣжества. А эти мѣры въ распоряженіи *не* духовенства, а гражданскаго правительства. Оптимисты вѣрятъ, что раскольничій фанатизмъ—во-

просъ не болѣе, какъ трехъ поколѣній: увѣренность въ этомъ пріобрѣла бы еще болѣе основательности, еслибъ, напримѣръ, одновременно съ замѣтнымъ нынѣ упадкомъ религіознаго духа въ самомъ расколѣ, правительство предприняло по отношенію къ старообрядцамъ ту мѣру, о которой давно мечтаютъ истинные доброжелатели русскаго народа, и которой народъ нашъ лишенъ доселѣ. Разумѣемъ обязательное обученіе: пусть каждый старообрядецъ будетъ *обязанъ*, подъ страхомъ ограниченій въ нѣкоторыхъ гражданскихъ правахъ, проводить дѣтей обоего пола, по крайней мѣрѣ, чрезъ приходскую школу *), или обучать по ея программѣ — и разъ эта мѣра будетъ проведена съ надлежащею настойчивостью, дни раскола сочтены, ибо грамотному человѣку, для разочарованія въ старообрядчествѣ, ничего не требуется, кромѣ здраваго смысла, а имъ, наряду со всѣмъ русскимъ народомъ, не обижены и раскольники. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, коренное рѣшеніе двухсотлѣтняго вопроса о нашемъ старообрядствѣ.

Возвращаемся къ приходскому духовенству. Указываютъ на замѣтное среди него отсутствіе иниціативы относительно направленія церковно-приходской жизни: въ этомъ случаѣ, повидимому, повторяется тоже явленіе, какое сказалось и въ дѣлѣ церковно-приходскихъ школъ. Духовное сословіе, безспорно, всегда было способно къ усердному отправленію не весьма

*) Само собою разумѣется, что при вступленіи дѣтей старообрядцевъ въ общія школы, они могутъ быть освобождаемы отъ уроковъ Закона Божія: условіе, при соблюденіи коего старообрядцы, живущіе въ городахъ и столицахъ, не стѣсняются обученіемъ дѣтей не только въ первоначальныхъ училищахъ общаго типа, но и въ высшихъ, и даже въ женскихъ пансіонахъ.

мудреныхъ педагогическихъ обязанностей сельскаго учителя: но разъ отъ нихъ отстраненное, оно опустило руки и заключилось въ вынужденномъ бездѣйствіи. И чтобы возвратить его къ исконнымъ обязанностямъ, потребовался торжественный, исполненный довѣрія призывъ правительства. Не тоже ли самое требуется и относительно этой стороны пастырской дѣятельности? Административнымъ порядкомъ давно утверждено учрежденіе приходскихъ попечительствъ, какъ такого органа, который бы направлялъ дѣятельность прихода къ общеполезнымъ цѣлямъ: между тѣмъ попечительства эти основываются крайне туго и дѣйствуютъ далеко не энергично. Чтобы пробудить въ духовенствѣ ревность къ дѣлу ихъ учрежденія и развитія, не была ли бы полезна мѣра, подобная той, какою созданы 15,000 церковно-приходскихъ школъ?

Всѣмъ извѣстно жалкое состояніе нашей церковно-приходской благотворительности, ограничивающейся призрѣніемъ нѣсколькихъ стариковъ или старухъ въ богадѣльняхъ, гдѣ таковыя существуютъ, тогда какъ тотъ же приходъ содержитъ огромныя толпы нищенскаго люда, кормящагося на его счетъ путемъ попрошайничества; всѣмъ извѣстно ужасное положеніе истинной приходской бѣдности и нищеты, если только онѣ не протягиваютъ рукъ. Извѣстны, рядомъ съ этимъ, и вопіющіе недостатки церковно-приходскаго повседневнаго быта, какъ напримѣръ отсутствіе добропорядочнаго пѣнія *)

*) Вопросъ объ упорядоченіи и улучшеніи церковнаго пѣнія, при сколько-нибудь дѣятельномъ посредствѣ приходскихъ попечительствъ и причта, конечно, не замедлилъ бы самымъ желательнымъ разрѣшеніемъ: по крайней мѣрѣ въ большинствѣ столичныхъ и вообще

и чтенія при церковныхъ службахъ и мн. т. п. Обо всемъ этомъ подумать, все это устранить и привести въ добрый порядокъ нашлось бы и времени и средствъ у каждаго прихода, будь у него правильный и постоянный органъ для заявленія своихъ желаній и нуждъ, и если его нѣтъ, а духовенство своею инціативой безсильно создать его, то, полагаемъ, и право и долгъ высшаго правительства—озаботиться осуществленіемъ такого органа и вызвать его къ жизни хотя бы чрезвычайнымъ актомъ, посредствомъ спеціальнаго обязательнаго распоряженія.

Въ своемъ мѣстѣ мы высказали подробно свой взглядъ на матеріальное положеніе приходскаго духовенства, назвавъ его если и не блестящимъ, то въ большинствѣ случаевъ достаточнымъ для безбѣднаго существованія. Но это не значитъ, чтобы и вопроса объ улучшеніи его матеріальнаго быта не существовало: напротивъ, онъ существуетъ и настоятельно требуетъ быстрѣйшаго разрѣшенія сколько въ интересахъ самого духовнаго сословія, столько же и въ интересахъ церкви. При полной возможности безбѣднаго существованія, духовенство далеко не въ состояніи дѣлать постоянныя и правильныя сбереженія; къ тому же, и по самому смыслу своего служенія, не должно предаваться ни корыстолюбію, ни скопидомству. Поэтому всего чаще случается,

---

городскихъ приходовъ, средствами гораздо менѣе затрачиваемыхъ теперь на наемъ пѣвческихъ хоровъ, могли бы быть организованы собственные хоры изъ прихожанъ и ихъ дѣтей, конечно, вполнѣ свободные отъ коммерческаго характера и для потребностей одного лишь приходскаго храма. Равнымъ образомъ, дѣятельный причтъ не затруднился бы организаціей такъ называемаго общенароднаго пѣнія, образцы котораго знакомы уже достаточно и Москвѣ и другимъ городамъ.

что священникъ или діаконъ, за старостію или болѣзненностію покидая службу, не имѣютъ, въ буквальномъ смыслѣ, гдѣ голову приклонить и чѣмъ питаться; равнымъ образомъ и смерть, ихъ похищающая, по большей части повергаетъ ихъ вдовъ и сиротъ или въ полную нищету, или въ состояніе, близкое къ ней. Эта мысль, этотъ вѣчный страхъ грядущей нищеты и служитъ едва ли не главнѣйшимъ мотивомъ и корыстолюбивыхъ поползновеній, и скопидомническихъ привычекъ, въ которыхъ нерѣдко обвиняютъ духовенство; поэтому святой долгъ правительства, если оно хочетъ, чтобъ пастырское служеніе духовенства было въ полномъ смыслѣ слова *подвигомъ добрымъ* — избавить его отъ этой гнетущей мысли.

Жизнь каждаго священника, его дѣятельность и отношенія слагались бы иначе, съ большимъ достоинствомъ и независимостью, и потому были бы много плодотворнѣе, если бы онъ, со дня посвященія въ санъ пастыря, былъ увѣренъ, что вопроса о кускѣ насущнаго хлѣба не существуетъ ни для него, ни для его семьи. Само собою разумѣется, что обычныя условія пенсіоннаго вознагражденія здѣсь неприложимы: пенсія составляется самими пенсіонерами, посредствомъ узаконенныхъ вычетовъ изъ опредѣленнаго жалованья, духовенство же въ большинствѣ случаевъ его не получаетъ; затѣмъ и самые размѣры пенсій далеко не сообразуются съ привычными бюджетами пенсіонеровъ, и при томъ опредѣляются большею или меньшею продолжительностію служенія. Обезпеченіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, должно имѣть нѣсколько иной характеръ: 1) оно должно опредѣляться какою-либо общею цифрой, приближающеюся къ средней доходности священнослужительскихъ мѣстъ; 2) оно должно про-

изводиться независимо отъ продолжительности службы священнослужителя, и назначаться немедленно со дня оставленія имъ службы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ удаленъ за какіе-либо пороки или преступленія; 3) но и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ она должна переходить къ его женѣ и дѣтямъ и продолжаться: первой—до ея смерти, вторымъ до окончанія воспитанія, а дочерямъ — до выхода въ замужество; 4) равнымъ образомъ, въ случаѣ смерти священнослужителя, его семейство со дня ея также должно имѣть право на вышеуказанное обезпеченіе. Такимъ образомъ, духовенство будетъ поставлено внѣ страха за будущность свою и своихъ семей, и это не замедлитъ отразиться и на ревности его и заботливости о паствѣ, и на достоинствѣ его служенія, и на характерѣ его церковно-приходскихъ отношеній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдняя реформа духовно-учебныхъ заведеній едва ли можетъ назваться удачною: лучшимъ доказательствомъ того служитъ полное равнодушіе остальныхъ сословій предъ разверстыми для ихъ дѣтей дверями семинарій и духовныхъ училищъ, въ которыхъ и доселѣ большинство учениковъ составляютъ дѣти священно-и-церковно служителей.

И въ самомъ дѣлѣ, настоящая программа семинарскаго образованія, какъ и та, которую она смѣнила, страдаетъ все однимъ и тѣмъ же недостаткомъ многопредметности: въ прямую противоположность учебному плану старинныхъ семинарій, въ которыхъ три класса составляли какъ бы три послѣдовательныхъ факультета—словесный, философскій и богословскій, на общемъ и весьма прочно заложенномъ классическомъ фундаментѣ, нынѣшнія семинаріи одновременно стремятся къ достиженію трехъ разнородныхъ цѣлей: и

классическаго, и общаго, и спеціально-богословскаго образованія, а потому и выпускаютъ юношей, знакомыхъ почти со *всѣмъ,* но поверхностно, и не много знающихъ такъ, какъ бы слѣдовало знать.

Объ этихъ недостаткахъ современнаго духовно-учебнаго образованія давно слѣдуетъ подумать и духовному, и свѣтскому правительству, памятуя, что какъ во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ и во множествѣ знаній, громоздящихся въ юной головѣ безъ надлежащаго порядка, не много пользы.

Распространено мнѣніе, будто между высшимъ монашествующимъ духовенствомъ, составляющимъ церковное правительство, и подчиненнымъ ему приходскимъ существуетъ постоянный антагонизмъ и взаимное нерасположеніе, выражающееся гнетомъ перваго надъ послѣднимъ. Едва ли, однако, это справедливо, и во всякомъ случаѣ невѣрно то, будто бы начальники-монахи злоупотребляютъ своимъ исключительнымъ положеніемъ по отношенію къ приходскому духовенству. Вѣрно же лишь то одно, что дѣйствительно епископская власть, представляемая, согласно каноническимъ правиламъ, исключительно однимъ монашествомъ, значительно обособила себя отъ подчиненнаго ей духовенства, и вмѣсто постоянныхъ дружественныхъ съ нимъ отношеній, обусловливаемыхъ общимъ дѣломъ духовнаго пастырства, заключилась въ начальственномъ отъ него уединеніи, и епископъ, или, по значенію этого слова, *блюститель,* надзиратель церкви, ближайшій и благожелательный совѣтникъ пресвитера, мало-помалу превратился въ его начальника, иногда снисходительнаго, иногда грознаго, но *только* начальника... Но къ этому располагали епископскую власть: и естественное чувство внѣшняго превосходства, и различіе

житейской обстановки, и сознаніе великаго значенія епископскаго сана, и безмѣрное уваженіе къ нему народа, и не всегда исправное и достойное поведеніе самого духовенства.

Мы отнюдь не защищаемъ, однако, существующаго порядка отношеній, а лишь поясняемъ его возникновеніе и надѣемся, что рано или поздно эти отношенія освободятся отъ черезъ-чуръ строгой оффиціальности, уступивъ мѣсто болѣе искреннимъ и гуманнымъ, и что епископская власть снизойдетъ до болѣе близкихъ и непосредственныхъ отношеній съ подчиненнымъ ей духовенствомъ, уничтоживъ деморализующее его вліяніе консисторіи, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабивъ его.

Приступая къ общему очерку состоянія Россіи наканунѣ XX столѣтія въ предѣлахъ, принятыхъ нами для каждаго отдѣла нашего труда, въ мѣру доступной намъ свободы слова мы изложили, какъ выводъ многолѣтнихъ наблюденій, пожеланія свои Церкви Православной, признавая въ ней единую, незыблемую, могучую и незамѣнимую силу, двигавшую Русскій народъ за его Верховными вождями во дни минувшихъ испытаній, движущую и имѣющую двигать по дальнѣйшему пути къ предопредѣленной для него Промысломъ всемірно-исторической цѣли.

Цѣна I выпуска 85 к., съ пересылкою I р.

Лит. В. Бахмана. въ Москвѣ Куз. м.